
Бернардо Гимараэш
РАБЫНЯ
ИЗАУРА

БЕРНАРДО ГИМАРАЭШ

РАБЫНЯ ИЗАУРА

СП «СТФ-ЮС»

Киев 1991

Глава 1

Наше повествование относится к первым годам правления короля Педро II *.

В плодородной и богатой муниципии Кампус Дигойтаказес, на берегу реки Параибы, всего в нескольких верстах от поселка Кампус находилась богатая и красивая усадьба.

Строение строгих пропорций, просторное и удобное, стояло в живописной местности, у подножия высоких холмов, покрытых лесом, частично вырубленным земледельцами. Подальше от поместья природа отличалась своей первобытной, дикой суровостью, а возле живописного жилища рука человека преобразила суровые, мрачные заросли, некогда покрывавшие землю, в прекрасные цветники и сады, плодородные пастбища, тут и там затененные гигантскими фикусами, перобами, кедрами и копайбами, напоминавшими о первобытной красе древних лесов. Здесь почти не было заборов, оград или рвов; поля, огороды, сады, пастбища и близлежащие плантации перемежались зеленеющими изгородями из бамбука, агавы, крушины и кароа, придававшими этой местности вид роскошного ухоженного фруктового сада.

К дому, расположенному у подножья холма, можно было пройти, поднявшись по каменной лестнице в шесть-семь ступеней через очаровательную веранду, оплетенную вьющимися цветами. В глубине двора виднелись хозяйственные постройки, жилища негров-рабов, загоны для скота, амбары, за которыми раскинулись цветник, огород и огромный фруктовый сад, терявшийся в балке широкой реки.

Стоял теплый, тихий осенний вечер. Солнце еще не зашло и, казалось, плавало на горизонте, нежась в переливчатой радужной пене, окаймленной золотыми лучами. Легкий ветерок, напоенный душистыми ароматами, шелестел в прибрежных зарослях, то пробуждая тихий ропот в кронах деревьев, то легко касаясь вершин стройных кокосовых пальм, любовавшихся своим изящным отражением на блестящей и спокойной речной глади реки.

Это было прекрасное время года. Живительные дожди воскресили растительность, покрывшуюся свежей пышной зеленью. Водная гладь реки, еще не замутненная половодьем, струилась неторопливо, отражая в себе яркую зелень прибрежных лесов и сияющие краски горизонта. Птицы, отдыхая от дневной охоты в окрестных садах, лугах и низинах, начинали пробовать свои голоса перед вечерним концертом.

Лучи заходящего солнца заревом отражались в оконных стеклах, и казалось, что изнутри их лижут языки пламени. Однако в самом доме и вокруг него царили тишина и глубокий покой. Грузные быки и лоснящиеся телки, лежавшие на лугу в тени высоких деревьев, лениво пережевывали свою жвачку. Вокруг дома суетилась домашняя птица, изредка блеяли овцы, мычали усталые коровы, самостоятельно вернувшиеся в хлев, но нигде не было слышно человеческого голоса и не чувствова-

* Дон Педру II — император Бразилии, годы правления: 1840—1889.

так чисты и красивы, что чаруют разум и пленяют душу. Лицо девушки цвета слоновой кости подчеркивало ее сходство со статуэткой тонкой работы. Природа изрядно потрудилась, создавая этот безупречный стан, восхитительную грудь. Распущенные, вьющиеся крупными кольцами волосы обрамляли прекрасные плечи и почти полностью скрывали спинку стула, на которую грациозно откинулась певица. Прощальный луч заходящего солнца мягким розоватым отсветом ложился на спокойный и ровный, словно полированный мрамор, лоб, который, как таинственная алебастровая лампа, хранил в своем прозрачном лоне небесный огонь вдохновения. Лицо ее было обращено к окну, туманный взор устремлен вдаль.

Наряд ее был скромен, почти беден, но это только усиливало очарование милой певицы. Платье из простого голубого ситца с пленительной безыскусностью облегало ее стройную талию. Ниспадающая широкими волнами юбка казалась облаком, окутывающим певицу, словно рождающуюся из морской пены Венеру, или ангела, возникающего в лазурной дымке. Маленький агатовый крест, висевший на черной ленточке, был единственным ее украшением.

Закончив песню, девушка на мгновение задумалась, не снимая рук с клавишей, как будто прислушиваясь к последним затухающим аккордам.

Тем временем неслышно отодвигается муслиновый занавес на одной из внутренних дверей, и новое действующее лицо появляется в гостиной. Это молодая миловидная дама, хорошо сложенная и элегантная. Богатство и изысканность ее туалета, надменная стать, несколько манерные движения — все это свидетельствует о том, что, как всякая красивая и состоятельная женщина, вошедшая знает себе цену. Но несмотря на все великолепие и изящество знатной госпожи, благородная простота и естественная скромность манер певуньи ничуть не потускнели в присутствии внушительной красоты Малвины. Пожалуй, самым очаровательным в Малвине были ее большие и ласковые голубые глаза, в которых светилась доброта ее сердца.

Малвина тихо приблизилась к певице и остановилась за ее спиной, дожидаясь, когда отзвучит последний аккорд.

— Изаура! — сказала она, слегка коснувшись изящной рукой плеча девушки.

— Ах? Это вы? — встрепенулась Изаура, застигнутая врасплох.

— Что с тобой?.. Продолжай... у тебя такой чудный голос! Но, если можно, спой что-нибудь другое. Почему тебе так нравится эта грустная песня? Где ты ее услышала?

— Она нравится мне, и я нахожу ее красивой потому... Ах! Я не должна об этом говорить...

— Говори, Изаура. Разве я не говорила тебе, что ты ничего не должна скрывать от меня. Тебе нечего бояться!

— Эта песня напоминает мне о маме, моей бедной маме, которую я совсем не знала. Но если вам не нравится эта песня, я ее не буду больше петь.

— Да, мне не нравится, что ты ее поешь, Изаура. Люди могут подумать, что к тебе плохо относятся в доме, что ты несчастная рабыня, жертва грубых и жестоких господ. Не забывай, что твоей жизни здесь могут позавидовать многие свободные люди. Ты пользуешься уважением своих хозяев. Тебе дали образование, какого не получили многие знакомые мне богатые и знатные девушки. Ты очень хороша собой, у тебя такой замечательный цвет кожи, что никто не сможет сказать, что в

Леонсио был единственным сыном богатого командора Алмейды, владельца великолепного поместья, в котором мы сейчас и находимся. Командор, достигнув преклонного возраста и страдая от множества недугов, после женитьбы сына, состоявшейся за год до начала этой истории, передал ему поместье в полное владение. Сам он остался жить в столице, где искал облегчения от часто мучивших его недугов в многочисленных развлечениях.

Леонсио, с раннего детства злоупотребляя добротой и снисходительностью своих родителей, открыл множество способов вводить в заблуждение и подкупать сердца близких. Ленивый ученик и вздорный ребенок, неугомонный и непослушный, он менял один колледж за другим и, как кот по раскаленным углям, прошел через все классы, впрочем, не провалив благодаря отцовскому покровительству ни одного экзамена. Учителя не осмеливались огорчать благородного и щедрого командора переэкзаменовками сына. Будучи зачисленным в медицинскую школу, уже на первом году обучения Леонсио почувствовал отвращение к этому предмету, а так как его родители не умели ему перечить, отправился в Олинду, чтобы изучать юриспруденцию. Растратив там немалую часть отцовского состояния на удовлетворение своих безумных прихотей, он охладел также и к юридическим наукам и пришел к заключению, что только в Европе сможет достойно развить свой интеллект и утолить из чистых и обильных источников свою жажду знаний. Об этом он и написал отцу, тот же поверил сыну и отправил его в Париж, надеясь по возвращении юноши обрести в его лице нового Гумбольдта. Познав роскошь беспорядочной жизни и разнообразных удовольствий Парижа, Леонсио изредка и только от скуки посещал университетские лекции лучших профессоров того времени. Впрочем, он не появлялся ни в музеях, ни в учебных классах, ни в библиотеках. Зато был прилежным завсегдатаем сада Мабиле, всех самых модных кафе и театров. Вскоре он стал одним из самых знаменитых и элегантных «львов» парижских бульваров. По прошествии нескольких лет пребывания то в Париже, то в увеселительных поездках на воды и по основным европейским столицам, он так основательно и безжалостно истощил отцовский кошелек, что командор, несмотря на все свое терпение и нежность к единственному обожаемому сыну, был вынужден, чтобы избежать разорения, вернуть его под кров отеческого дома. Однако, чтобы не причинять ему излишних огорчений, резко прекратив эту сумасбродную, расточительную скачку, командор Алмейда решил приманить сына, намекнув на перспективу богатой и очень выгодной женитьбы.

Леонсио попался на уловку отца и вернулся домой истинным денди, красивым и элегантным, как никто другой. Привез он из странствий вместо образованности лишь самодовольство и чванство, а также осведомленность в делах высшего общества. Встретив Леонсио, вы приняли бы его за принца крови. Но хуже всего было то, что он привез опустошенную душу и развращенное сердце, растленные привычкой к порокам и распутству. Те немногие хорошие качества, которыми одарила его природа, погибли, срезанные под корень отвратительными теориями, подкрепленными еще худшей практикой.

Возвратившись из Европы, Леонсио отпраздновал свое двадцатипятилетие. Отец в самых вкрадчивых и заманчивых выражениях дал ему понять, что настало время чем-либо заняться, выбрать какую-то карьеру, что он уже более чем достаточно воспользовался отцовским кошельком для своего образования и что ему следовало бы научиться если не увеличивать, то, по крайней мере, сохранять состояние, которое рано пере-

Повергнутый в уныние горькими и суровыми упреками, командор больше не рисковал покушаться силой на бедную рабыню, равно как не сумел и иными средствами победить ее непреодолимое отвращение к нему. Это сопротивление разъярило его и породило в его жестоком сердце неукротимую жажду грубой и недостойной мести: он решил непременно извести непокорную красавицу работой и наказаниями. Он заставил ее гнуть спину на плантациях, дав строгий наказ управляющему не жалеть для нее ни унизительной работы, ни жестоких наказаний. Однако управляющий, добрый португалец в расцвете лет, был не таким бессердечным, как его хозяин. Соблазненный очарованием мулатки, вместо работы и побоев он осыпал ее исключительно подарками и ласками, так что вскоре мулатка родила милую девочку. Это событие еще больше усилило ненависть командора к несчастной рабыне. Он выгнал с бранью и угрозами доброго и верного управляющего, а мулатку подверг такой тяжелой работе и такому жестокому обращению, что вскоре свел ее в могилу, не дав ей вырастить прелестную ласковую дочурку.

Вот под какой несчастливой звездой родилась красавица Изаура. Однако как будто вопреки коварству неумолимой судьбы святая женщина, ангел доброты, склонилась над колыбелью бедной малютки и окружила ее своей милосердной заботой. Жена командора сочла это маленькое и нежное создание даром божьим, ниспосланным ей в утешение за обиды и унижения, доставляемые отвратительными выходками ее распутного супруга. Обратив к нему омытое слезами лицо, она поклялась душой несчастной мулатки взять на себя заботу о будущем Изауры, поклялась вырастить и воспитать ее как собственную дочь.

Она исполнила свое обещание самым добросовестным образом. Шли годы, девочка росла, пришло время учиться, и госпожа сама научила малышку читать и писать, шить и молиться. Позднее она наняла ей учителей музыки, танцев, итальянского и французского языков, рисования. Она старалась дать рабыне самое совершенное и изысканное образование, какое она дала бы своей родной дочери. В свою очередь Изаура не только своими внешними данными, но и быстрыми успехами живого и сильного ума превзошла все самые смелые предположения доброй женщины, которая, видя столь блестящие успехи ее, находила все большее удовольствие, шлифуя эту драгоценность. Об Изауре она отзывалась как о жемчужине, украшающей ее седые волосы. «Небо не захотело подарить мне дочь моей крови,— повторяла она,— но взамен дало мне дочь моей души».

Но что больше всего восхищало в этом юном создании, так это то, что внимание и постоянные заботы, которыми она была окружена, не сделали ее капризной, высокомерной или надменной в отношениях с другими рабами. С ней обращались ласково, и она осталась по отношению к другим доброй и простосердечной. Она всегда была внимательна и добра с рабами, весела и послушна с господами.

Командору очень не нравился каприз супруги. Такое отношение к мулаточке он расценивал как проявление глупости.

— Безумие! — восклицал он с раздражением в голосе.— Она старается вырастить настоящую франтиху, от которой в скором времени наплачется. Одни женщины сходят с ума на религиозной почве, другие ворчат с утра до ночи, третьи подбирают бездомных собак или разводят цыплят, эта же выращивает принцесс-мулаток. По правде говоря, несколько расточительное развлечение, но... пусть тешится. По крайней

Глава 3

Теперь познакомимся поближе с Энрике — шурином Леонсио. Это был элегантный и красивый двадцатилетний юноша, не чуждый легкомыслия и тщеславия, почти как все молодые люди в этом возрасте, особенно если им выпало счастье родиться в богатой семье. Однако это были мелкие недостатки в сравнении с главными его достоинствами: добрым сердцем, трезвым умом и благородной душой. Он изучал медицину, а так как в данное время у него были каникулы, Леонсио пригласил Энрике навестить сестру и погостить несколько дней на фазенде.

Молодые люди приехали из Кампуса, куда накануне Леонсио отправился, чтобы встретить шурина.

Только после своей женитьбы Леонсио, ранее редко и недолго гостивший в родительском доме, оценил исключительную красоту и несравненную прелесть Изауры. Несмотря на то, что ему досталась в супруги очаровательная девушка, женился он не по любви. Это чувство было чуждо его сердцу. Женился он по расчету, а так как его жена была молода, он испытывал к ней страсть, которая легко утолялась чувственными наслаждениями, а с ними и проходила. Бедной Изауре было суждено роковым образом нарушить покой этого распутного сердца, еще не до конца испорченного развратом. Он воспылал к ней безрассудной и пылкой любовью. Это чувство росло по мере возникновения непреодолимых препятствий, с которыми он сталкиваться не привык и которые напрасно пытался преодолеть. Несмотря ни на что, он не отказывался от своих намерений. «В конце концов,— думал Леонсио,— Изаура принадлежит мне и если никакой иной способ не даст результатов, я возьму ее силой». Он был достойным сыном своего отца.

По дороге в поместье, поскольку воображение его было занято исключительно Изаурой, Леонсио долго рассказывал о ней своему шурину, расхваливая ее красоту, и, не стесняясь, откровенно намекал юноше на свои похотливые притязания к рабыне. Этот разговор был не слишком приятен Энрике, иногда красневшему от невольного смущения и искреннего негодования за свою сестру. Вместе с тем Леонсио возбудил у него живое любопытство и желание познакомиться с этой рабыней, обладавшей такими необычайными качествами.

На следующий день после приезда молодых людей в восемь часов утра Изаура, убрав гостиную, сидела у окна с рукоделием на коленях. Она ожидала, когда встанут господа, чтобы подать им кофе.

Леонсио и Энрике неслышно остановились в дверях гостиной и наблюдали за Изаурой, не подозревавшей, что на нее смотрят и продолжавшей вышивать.

— Ну, как ты ее находишь? — шептал Леонсио своему шурину.— Это бесценное сокровище, не правда ли? Можно подумать, что она андалусийка из Кадисса или неаполитанка.

— Ничего подобного. Она гораздо лучше,— отвечал восхищенный Энрике.— Она настоящая бразильянка.

— Изумительная бразильянка! Она лучше всего, что у меня есть. Эти семнадцать весен очаровательной девушки многим могут вскружить голову. Твоя сестра настаивает, чтобы я освободил Изауру. Говорит, что такова была воля моей покойной матушки. Но я не так глуп, чтобы расстаться с этим сокровищем. Если моя мать в угоду своей прихоти воспитала Изауру как принцессу и дала ей образование, то уж, разумеется, не для того, чтобы расстаться с ней. Мой отец, кажется, склоняется ус-

вспомнил, что Изаура, несмотря на все свое очарование, всего лишь рабыня. Он понял, что оказался в смешном положении, онемев перед ней в неподвижном созерцании, склонился к девушке и бесцеремонно взял ее за руку.

— Мулаточка,— сказал он,— ты знаешь, какая ты колдунья? Моя сестра права. Жаль, что такая красивая девушка всего лишь рабыня. Если бы ты родилась свободной, то несомненно была бы королевой гостиных.

— Хорошо, хорошо, сеньор! — ответила Изаура, высвобождая свою руку.— Если вы собирались сказать мне только это, позвольте мне уйти.

— Подожди немного, не будь такой суровой. Я не причиню тебе зла. Я бы дорого дал, чтобы добиться твоей свободы и вместе с ней твоей любви!.. Ты слишком нежна в неволе. Кто-нибудь непременно освободит тебя, но я бы не хотел, чтобы ты оказалась в руках человека, который не сумеет по достоинству оценить тебя, моя Изаура, пусть же брат твоей госпожи из рабыни сделает тебя принцессой...

— Ах, сеньор Энрике,— с досадой возразила девушка.— Вам не стыдно говорить комплименты рабыне, служанке вашей сестры? Вам это не к лицу. Так много красивых девушек, за которыми вы можете ухаживать...

— Нет. Никто из них не может сравниться с тобой, Изаура, клянусь. Знаешь, Изаура, никто, кроме меня, не сможет добиться твоей свободы. Я могу заставить Леонсио освободить тебя, поскольку, если не ошибаюсь, уже догадался о его постыдных намерениях и обещаю тебе, что не дам им осуществиться. Я не могу допустить этой низости. Кроме свободы ты получишь все, что захочешь: шелка, драгоценности, кареты, рабов для услуг,— а во мне ты найдешь страстного любовника, который всегда будет верен тебе. Я никогда не соглашусь променять тебя ни на какую другую, даже самую красивую и богатую девушку, потому что все они вместе взятые не стоят твоего мизинца.

— Боже мой,— воскликнула Изаура с легкой досадой,— такое благородство приводит меня в ужас. Это могло бы вскружить мне голову. Нет, мой господин, поберегите свое красноречие для той, которая заслуживает его. Я же пока довольна моей участью.

— Изаура! К чему такая жестокость!.. Послушай,— сказал юноша, пытаясь обнять ее за шею.

— Сеньор Энрике,— воскликнула она, уклоняясь от объятий,— ради бога, оставьте меня!

— Постой, Изаура! — настаивал молодой человек, не оставляя попытки обнять ее,— ах, не говори так громко! Один поцелуй... только один и я отпущу тебя...

— Если вы будете настаивать, я закричу. Ни на минуту невозможно остаться одной, обязательно кто-нибудь нарушает мой покой своими признаниями, которые я не желаю слушать...

— Ах! Какая надменность,— воскликнул Энрике, изрядно раздосадованный ее словами и упрямством.— Не верю глазам своим! У тебя пренебрежение настоящей сеньоры!.. Не сердись, моя принцесса...

— Перестаньте, сеньор! — вскричала девушка, потеряв терпение.— Мало того, что сеньор Леонсио, теперь еще и вы...

— Как?.. Что ты сказала? Леонсио тоже?.. Я это предполагал! Какая низость! И ты благосклонно внимаешь ему, не так ли?

— Так же, как и вам!

вспомнил, что Изаура, несмотря на все свое очарование, всего лишь рабыня. Он понял, что оказался в смешном положении, онемев перед ней в неподвижном созерцании, склонился к девушке и бесцеремонно взял ее за руку.

— Мулаточка,— сказал он,— ты знаешь, какая ты колдунья? Моя сестра права. Жаль, что такая красивая девушка всего лишь рабыня. Если бы ты родилась свободной, то несомненно была бы королевой гостиных.

— Хорошо, хорошо, сеньор! — ответила Изаура, высвобождая свою руку.— Если вы собирались сказать мне только это, позвольте мне уйти.

— Подожди немного, не будь такой суровой. Я не причиню тебе зла. Я бы дорого дал, чтобы добиться твоей свободы и вместе с ней твоей любви!.. Ты слишком нежна в неволе. Кто-нибудь непременно освободит тебя, но я бы не хотел, чтобы ты оказалась в руках человека, который не сумеет по достоинству оценить тебя, моя Изаура, пусть же брат твоей госпожи из рабыни сделает тебя принцессой...

— Ах, сеньор Энрике,— с досадой возразила девушка.— Вам не стыдно говорить комплименты рабыне, служанке вашей сестры? Вам это не к лицу. Так много красивых девушек, за которыми вы можете ухаживать...

— Нет. Никто из них не может сравниться с тобой, Изаура, клянусь. Знаешь, Изаура, никто, кроме меня, не сможет добиться твоей свободы. Я могу заставить Леонсио освободить тебя, поскольку, если не ошибаюсь, уже догадался о его постыдных намерениях и обещаю тебе, что не дам им осуществиться. Я не могу допустить этой низости. Кроме свободы ты получишь все, что захочешь: шелка, драгоценности, кареты, рабов для услуг,— а во мне ты найдешь страстного любовника, который всегда будет верен тебе. Я никогда не соглашусь променять тебя ни на какую другую, даже самую красивую и богатую девушку, потому что все они вместе взятые не стоят твоего мизинца.

— Боже мой,— воскликнула Изаура с легкой досадой,— такое благородство приводит меня в ужас. Это могло бы вскружить мне голову. Нет, мой господин, поберегите свое красноречие для той, которая заслуживает его. Я же пока довольна моей участью.

— Изаура! К чему такая жестокость!.. Послушай,— сказал юноша, пытаясь обнять ее за шею.

— Сеньор Энрике,— воскликнула она, уклоняясь от объятий,— ради бога, оставьте меня!

— Постой, Изаура! — настаивал молодой человек, не оставляя попытки обнять ее,— ах, не говори так громко! Один поцелуй... только один и я отпущу тебя...

— Если вы будете настаивать, я закричу. Ни на минуту невозможно остаться одной, обязательно кто-нибудь нарушает мой покой своими признаниями, которые я не желаю слушать...

— Ах! Какая надменность,— воскликнул Энрике, изрядно раздосадованный ее словами и упрямством.— Не верю глазам своим! У тебя пренебрежение настоящей сеньоры!.. Не сердись, моя принцесса...

— Перестаньте, сеньор! — вскричала девушка, потеряв терпение.— Мало того, что сеньор Леонсио, теперь еще и вы...

— Как?.. Что ты сказала? Леонсио тоже?.. Я это предполагал! Какая низость! И ты благосклонно внимаешь ему, не так ли?

— Так же, как и вам!

— Проклятие! — прорычал он про себя.— Этот сумасшедший способен сорвать все мои планы. Если уж он что-нибудь пронюхал, не задумываясь, сообщит Малвине...

Леонсио неподвижно стоял несколько мгновений, предаваясь терзавшему его гнетущему беспокойству. Потом, скользнув взором по гостиной, он встретился глазами с Изаурой, которая, как только появился Леонсио, смущенная и дрожащая, укрылась в дальнем уголке гостиной и оттуда наблюдала, страдая от мучительного беспокойства, ссору молодых людей. Так подраненная косуля прислушивается к рычанию двух хищников, оспаривающих добычу. Она искренне раскаивалась в глубине души и злилась на себя за нескромные и безумные откровения, сорвавшиеся с ее губ во время разговора. Ее неосторожность может стать причиной самого прискорбного раздора в этой семье, раздора, жертвой которого, в конце концов, станет она сама. Ссора между двумя молодыми людьми была подобна столкновению двух туч, которые встречаются, расходятся и продолжают свободно парить в небе, но молния, сорвавшаяся с них, неизбежно поразит несчастную пленницу.

Глава 4

— Ты еще здесь?.. Очень хорошо,— произнес Леонсио, едва увидев Изауру, смущенную и не осмеливающуюся покинуть свой уголок, где она укрылась и откуда молила небо, чтобы господин не увидел ее и не вспомнил о ней в эту минуту.— Изаура,— продолжал он,— я вижу, ты делаешь успехи в любовных интригах... Ты благосклонно внимала любезностям этого мальчишки...

— Так же, как и ваши, мой господин. У меня нет выбора. Рабыня, которая осмеливается взглянуть на своих господ неприязненно, заслуживает сурового наказания.

— И что же ты сказала этому ветренику, Изаура?

— Я? — смутилась рабыня,— ничего, что могло бы оскорбить вас или его...

— Подумай, прежде чем отвечать, Изаура. Смотри, не вздумай обманывать меня. Что ты ему говорила обо мне?

— Ничего.

— Клянешься?

— Клянусь,— едва слышно пролепетала Изаура.

— Ах, Изаура, Изаура... берегись. До сих пор я терпеливо сносил твое пренебрежение. Но я не допущу, чтобы в моем доме и почти что в моем присутствии ты выслушивала наглые любезности и тем более рассказывала кому бы то ни было о том, что здесь происходит... Если ты не желаешь отвечать на мою любовь, постарайся, по крайней мере, не впасть в мою немилость.

— Простите, сеньор, разве я виновата, что меня преследуют?

— Пожалуй, ты права. Кажется, мне придется удалить тебя из дома и спрятать где-нибудь, где тебя никто не увидит и не сможет приставать с ухаживаниями.

— Зачем, сеньор?..

Белшиор! Что такое? Продолжайте представление, у вас неплохо получается... Но этот цветок не нуждается в ваших заботах... Понятно, сеньор Белшиор?

— Простите меня, сеньор,— пробормотал садовник, поднимаясь с колен в смущении и нерешительности.— Я принес эти светы в гостиную, чтобы поставить их в вазы...

— И вручили их, стоя на коленях! Очень эффектно. Предупреждаю: если вы не оставите претензий на роль первого любовника, я выставлю вас за дверь пинком под зад.

Пристыженный и ошеломленный Белшиор, натыкаясь на стулья, как слепой, бросился к выходу.

— Изаура! О, моя Изаура! — воскликнул Леонсио, выходя на середину гостиной и с распростертыми объятиями направляясь к девушке, искусно придав своему голосу, до этого резкому и суровому, самое нежное и мягкое звучание.

Резкий крик, эхом отозвавшийся в доме, заставил его окаменеть. Он заметил в дверях Малвину, бледную, без чувств, уронившую голову на плечо подхватившего ее брата.

— Ах, брат! — воскликнула она, приходя в себя.— Теперь я понимаю все, что ты мне недавно говорил.— И, прижав руку к сердцу, которое, казалось, разрывалось от боли, а другой утирая слезы, лившиеся из прекрасных глаз, она укрылась в своей комнате.

Расстроенный роковым стечением обстоятельств, жертвой которых он стал, Леонсио, взбешенный, долго ходил по гостиной. Виня во всем шурина, из-за легкомыслия которого случилось происшедшее, грозившее помешать его планам в отношении Изауры, он пытался найти выход из создавшегося положения, в котором он оказался к своему величайшему неудовольствию.

Изаура, испытавшая менее чем за час три покушения на ее целомудрие и бескорыстие, ошеломленная и полная страха, смущения и стыда, убежала, чтобы спрятаться в апельсиновой роще, как испуганный заяц, заслышавший в лугах лай своры разъяренных собак, идущих по следу дичи.

Энрике, в высшей степени возмущенный поведением зятя, не желая его видеть, взял свое ружье и решил убить время охотой, а назавтра непременно уехать утром в столицу.

Рабы были поражены, когда в обеденное время Леонсио оказался один за столом в столовой. Он распорядился пригласить Малвину, но она не захотела выйти, сославшись на нездоровье. Сначала Леонсио охватила дикая ярость, его первый порыв был сбросить со стола на пол тарелки и приборы и пойти надавать пощечин наглому юнцу, в недобрый час появившемуся в доме, чтобы нарушить его спокойную и размеренную семейную жизнь. Но он вовремя сдержался и, успокоившись, решил, что лучше не выдавать себя, а с величайшим безразличием и даже пренебрежением отнестись к супружеской размолвке и скверному настроению шурина. Он хорошо понимал, что впредь ему будет нелегко, а скорее всего даже невозможно более скрывать от супруги свое развратное поведение, однако, не желая просить прощения, он решил не показывать виду и напустить на себя маску безразличия и цинизма. Это решение ему подсказала непомерная гордость и пренебрежительное отношение ко всем женщинам, которым Леонсио отказывал в человеческом достоинстве и чести.

После обеда Леонсио сел на коня и объехал все плантации и посадки кофе, что делал крайне редко. С заходом солнца он вернулся домой,

— И ты еще смеешь издеваться, негодяй! — вскричала Малвина, теряя самообладание: щеки ее стали пунцовыми, глаза метали гневные молнии.

— Ну, не расстраивайся так, Малвина. Я пошутил, и, кажется, неудачно! — сказал Леонсио, пытаясь взять ее за руку.

— Прекрасная тема для шуток! Оставьте меня, сеньор! Какая низость! Какой стыд для нас обоих!

— Ты объяснишь, в конце концов, в чем дело?

— Мне нечего объяснять. Вы прекрасно все понимаете. Мне остается только требовать...

— Так требуй, Малвина!

— Отошлите куда угодно эту рабыню, которой вы бездумно и вероломно увлеклись: освободите ее, продайте ее, сделайте что угодно. Но одна из нас должна сегодня же навсегда покинуть этот дом. Так выбирайте, сеньор!

— Сегодня?

— Сейчас же!

— Ты очень сурова и несправедлива по отношению ко мне, Малвина,— после тягостного молчания нерешительно заметил Леонсио.— Тебе хорошо известно, что я хочу дать свободу Изауре, но, к сожалению, это зависит не только от меня! Ты требуешь невозможного. С такой просьбой следует обратиться к моему отцу.

— Какой жалкий лепет, сеньор! Ваш отец передал в ваше распоряжение рабов и всю недвижимость, он сочтет за благо все, что вы сделаете. Впрочем, если вы предпочитаете ее мне...

— Малвина! Не богохульствуй!..

— Богохульство!.. Кто знает! Но, наконец, отправьте куда-нибудь эту девушку, если не желаете навсегда расстаться со мной. Я более не нуждаюсь в ее услугах. Она слишком красива для того, чтобы быть служанкой.

— Что я говорил вам, сеньор Леонсио? — вмешался Энрике, устав от молчания и несколько устыдившись роли немого телохранителя. Он решился вмешаться в эту ссору.— Видите? Вот плоды безрассудного стремления во что бы то ни стало сохранить «роскошную утварь», так, кажется, вы называли эту рабыню, в своей гостиной...

— Эта «утварь» не была бы так опасна, если бы не ухищрения подлых интриганов, бесстыдно нарушающих покой чужого очага ради своих безнравственных порывов...

— Одумайтесь, сеньор! Я здесь, чтобы помешать вам перенести вашу роскошную утварь из гостиной в спальню. Вам понятно, о чем я говорю? В такой ситуации скандал неизбежен, и я не могу сложа руки наблюдать, как беспардонно оскорбляют мою сестру.

— Сеньор Энрике! — вскричал Леонсио, распалившись от ярости, и с угрожающим видом делая шаг вперед.

— Хватит, сеньоры! — закричала Малвина, бросаясь между молодыми людьми.— Опомнитесь, ссора по такому поводу глупа и постыдна для нас... Я сказала Леонсио все, что хотела сказать. Пусть решает. Если он намерен действовать решительно и достойно, время еще есть. Если же нет, то он заслуживает только моего презрения.

— О, Малвина! Я готов сделать все возможное, чтобы успокоить тебя. Но ты же знаешь — я не могу исполнить твое желание, не получив прежде согласия моего отца, а он живет в столице. К тому же, ты, конечно, слышала, что мой отец не испытывает желания освобождать Изауру. Ее отец готов на все ради свободы для своей дочери. Чтобы

один, без средств к существованию и покровителей, он был вынужден самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, нанимаясь садовником или огородником. В работе он был быстр и ловок, как настоящий сын крестьянина.

Отец Леонсио, случайно встретив его и сразу оценив его достоинства, предложил ему место управляющего в своем поместье, с хорошим жалованием. Долгие годы Мигел добросовестно служил ему, пользуясь всеобщим уважением и любовью, до того рокового дня, когда он проявил сердечную слабость, о которой мы уже знаем, и в результате чего был грубо изгнан хозяином. По сей день в сердце Мигела жила обида и глубокая печаль за то, что он не смог защитить любимое им создание от ненависти и преследований развращенного и грубого господина. Однако Мигелу пришлось смириться. У него не было недостатка ни в работе, ни в жилье. Зная его достоинства, любой из местных землевладельцев принял бы его с распростертыми объятиями, надо было только выбрать. Чтобы остаться поближе к любимой дочери, свой выбор он остановил на соседнем поместье.

Так как командор большую часть времени находился то в столице, то в Кампусе, Мигел часто и беспрепятственно мог видеть дочь, к которой он все более привязывался. Супруга командора в отсутствие мужа держала открытыми двери своего дома для португальца и позволяла ему увидеть и приласкать дочурку. Это очень утешало и радовало Мигела. Действительно, ее госпожа, по воле неба, стала девочке второй матерью. К тому же благодаря своему положению она имела возможность поддержать и защитить рабыню. Неожиданная смерть этой добродетельной сеньоры разбила сердце Мигела, разом уничтожив его радужные надежды.

Сила родительской любви беспредельна! Мигел, преодолев свое прежнее отвращение и брезгливость к командору, без колебаний пошел на унижения, надоедая ему своими просьбами, умоляя со слезами на глазах назначить цену за Изауру.

— Ей нет цены, она всегда будет моей,— грубо ответил неумолимый сеньор несчастному отцу.

Но вот однажды, чтобы наконец избавиться от назойливых просьб Мигела, он заявил:

— Через год принесешь мне десять тысяч рейсов, и я отдам тебе твою дочь и... сделай милость, оставь меня в покое. Если не прийдешь в срок, то простись с надеждой.

— Десять тысяч рейсов — это для меня очень большая сумма. Но ничего! Свобода Изауры дороже! Сеньор командор, я сделаю все возможное, чтобы принести вам эту сумму в назначенный срок. Надеюсь на бога, он не оставит нас.

Бедный человек трудом и бережливостью, отказывая себе во всем и присовокупив все свои сбережения, собрал к концу года лишь половину необходимых денег. Он был вынужден воспользоваться великодушием своего нового хозяина, который, узнав о великодушной цели управляющего — о притеснениях и вымогательстве, жертвой которых тот стал,— не раздумывая выдал ему необходимую сумму в долг, в счет будущего жалования.

Леонсио, как и его отец, полагал, что Мигел не сумеет собрать за год такую значительную сумму, и потому был изумлен и в высшей степени раздосадован, когда тот вручил ему все сполна.

— Десять тысяч,— сказал Леонсио, наконец пересчитав деньги.— Именно та сумма, которую назначил мой отец. Как же глуп

— Леонсио! Леонсио! Что случилось?! — воскликнула бледная от испуга Малвина. Взяв письмо, брошенное Леонсио на стол, она начала читать срывающимся голосом:

«Леонсио, я вынужден сообщить тебе прискорбное известие, которое будет для тебя неожиданным. Это — удар, который неизбежно стережет нас всех и который ты должен принять со смирением. Твоего отца больше нет. Он скончался позавчера, внезапно, от кровоизлияния в мозг...»

Малвина не смогла больше продолжать и, позабыв в эту минуту все обиды и все, что произошло в этот ужасный день, бросилась к своему мужу и крепко обняла его. Слезы их помирили.

— Ах! Папа, папа!.. Все кончено! — воскликнула Изаура, уронив свою прелестную головку на грудь Мигела.— Теперь у нас нет надежды!

— Кто знает, дочка! — серьезно ответил отец.— Не будем отчаиваться. На все воля божья...

Глава 7

На фазенде Леонсио имелся большой, грубо сколоченный сарай с голыми стенами и земляным полом, предназначенный для рабынь, которые пряли шерсть и ткали холсты.

Обстановку этого помещения составляли трехногие скамейки, табуретки, лавки, прялки, мотовилки и большой ткацкий станок, расположенный в углу.

Вдоль стены, напротив широких окон, украшенных балясинами и выходивших в просторный внутренний двор, в ряд сидели пряхи. Их было примерно тридцать человек: негритянки, креолки, мулатки, с маленькими ребятишками, ползающими возле них по земле. Чтобы скоротать долгие часы своего трудового дня, некоторые пряхи вели неторопливую беседу, другие что-то напевали. Там можно было увидеть женщин любого возраста и цвета кожи: от старой африканки, хмурой и тощей, до пухлой, веселой креолки, от черной, как смоль, негритянки до почти белой мулатки.

Но среди них выделялась одна молоденькая девушка, самая изящная и красивая, какую только можно себе вообразить в подобном месте. У нее было стройное и гибкое тело, нежное личико с несколько полными, но четко обрисованными губами — чувственными, влажными и алыми, как чудоцвет, только что распустившийся ранним апрельским утром. Черные глаза ее были не слишком большими, но искрились очаровательной живостью и озорством. Черные кудрявые волосы могли бы стать украшением любой европейской аристократки. Но она их коротко стригла и завивала на мужской манер. Это совсем не вредило ее миловидности, а скорее придавало ее насмешливому и жеманному личику своеобразную изюминку. Если бы не маленькие золотые сережки, дрожавшие в миниатюрных и аккуратных мочках ушей, и вздернутые волнующие груди, которые как два шаловливых козленка подпрыгивали под прозрачной рубашкой, вы могли бы принять ее за плутоватого и дерзкого подростка. Вскоре мы узнаем, каким исчадием ада было это создание, носившее красивое имя Роза.

копить денег и выкупить ее. Но хозяин не хотел ее продавать, да так разозлился, что выгнал сеньора Мигела.

Жулиана после этого недолго прожила: плеть и работа быстро свели ее в могилу. Бедная девочка грудным ребенком осталась сиротой. Если бы не старая госпожа, бог знает, что бы с ней сталось... Несчастная девочка! Уж лучше бы господь прибрал ее...

— Почему, тетушка Женуария?

— Потому что, мне кажется, судьба ее будет такой же, как у ее матери...

— Чего же еще заслуживает эта обманщица? — зло прошептала завистливая и недоброжелательная Роза.— Думает, что если она прислуживает в гостиной, то лучше других. Строит из себя невесть что. Увивается около белых мужчин... Ее отец говорит, что выкупит ее, и она теперь воображает себя госпожой. Бедный сеньор Мигел! Сам ничего не имеет, а должен где-то наскрести на выкуп дочери!

— Какой злой язык у этой Розы,— возмутилась старая креолка, бросив укоризненный взгляд на мулатку.— Что тебе сделала бедная Изаура, эта роза без шипов? Она красива и образованна как всякая белая девушка и она не способна никого обидеть. Окажись ты на ее месте, такая хвастливая и дерзкая, ты была бы в тысячу раз хуже.

Роза, от досады сжав губы, собиралась ответить со свойственными ей дерзостью и бесстыдством, но резкий голос, раздавшийся у входа, оборвал разговоры прях.

— Тихо! — приказал вошедший.— Черт побери! Сколько болтовни! Похоже, что здесь работают только языками!

Плечистый грузный человек с густой черной бородой на угрюмой отталкивающей физиономии появился в дверях. Он неуклюже прошел в помещение. Это был управляющий. Его сопровождал молодой, стройный и элегантный мулат, одетый в красивую ливрею. Он нес прялку. Следом за ними шла Изаура.

Все рабыни встали и стоя приветствовали управляющего. Тот велел поставить прялку на свободное место. К несчастью для Изауры, оно оказалось рядом с Розой.

— Иди сюда, девка,— сказал управляющий, повернувшись к Изауре.— С сегодняшнего дня и впредь твое место здесь, а эта прялка — твоя. Пусть твои товарки дадут тебе задание на сегодня. Я понимаю, что эта перемена тебе не очень-то по вкусу, но что поделаешь? Хозяину так угодно. Иди сюда, смотри, это тебе не рояль. Тут надо побыстрей выполнить задание и получить новое. Придется мало говорить и много работать.

Не обнаруживая ни досады, ни разочарования новым положением, Изаура покорно села за прялку и начала готовить ее к работе. Несмотря на то, что она выросла в господском доме и почти всегда выполняла легкую работу, у нее были хорошие навыки в любом домашнем труде: она умела прясть, ткать, стирать, гладить и готовить так же хорошо, как любая другая, а возможно, и лучше многих. Поэтому она спокойно и непринужденно принялась за дело, и лишь горькая усмешка, мелькнувшая на ее губах, выдавала некую печальную покорность. На самом же деле она была отражением волнений и тоски, гнетущих ее сердце. Она не испытывала огорчения от того, что ее лишили положения, которое она занимала долгое время при своих господах. Осознав случившееся, Изаура старалась быть покорной, как любая другая рабыня, поскольку, несмотря на редкую красоту и образованность, тщеславие и суетность не затронули ее сердце, не омрачили ее незаурядный природный ум.

костей, мне было бы приятнее и спокойнее работать здесь, чем прислуживать там.

— Я тебе не верю. Как это тебе может нравиться здесь, где нет мужчин, с которыми ты привыкла кокетничать?

— Роза, что я тебе сделала дурного, почему ты распространяешь эти выдумки?

— Ой, сеньора, не сердитесь!.. Простите, дона Изаура. Я думала, что сеньора оставила свою щепетильность там, в гостиной.

— Можешь говорить все, что угодно, Роза, но я же хорошо знаю, что в гостиной или на кухне я, как и ты, всего лишь рабыня. Ты тоже должна помнить, что если сегодня ты здесь, то где ты будешь завтра знает один только господь. Давай займемся работой, это наш долг. Оставим эти глупые разговоры.

В эту минуту послышались звуки колокольчика, известившего, что наступило четыре часа вечера,— время ужина для рабов. Рабыни, оставив свою пряжу, поднялись, и лишь Изаура осталась на своем месте, продолжая прясть.

— Разве ты не слышишь, Изаура? — с издевкой обратилась к ней Роза.— Пора. Фасоль ждет тебя!

— Нет, Роза. Я останусь здесь. Я не голодна. Надо закончить мое задание, я слишком поздно начала сегодня.

— Ты права, такая неженка как ты не может есть из одного котла с рабами. Хочешь, я пришлю тебе бульончик и шоколад?

— Замолчи, болтунья! — прикрикнула на нее пожилая креолка, казалось, возглавлявшая эту группу прях.— Вот змеиное жало, а не язык! Оставь ее в покое. Пошли, пошли.

Все рабыни покинули сарай. Изаура осталась наедине со своей работой, ею овладели грустные и тревожные мысли. Нить, словно сама собой, бежала из-под ее нежных пальцев, в то время как босая изящная ножка, сбросив сафьяновый башмачок на деревянной подошве, мерно нажимала на педаль прялки, приводя ее в движение. Голова девушки склонялась в одну сторону как увядшая белая лилия, а опущенные ресницы, как печальные вуали, скрывали бездонную грусть и боль, затаившиеся в прекрасных глазах. Она была чудо как хороша, застыв в этой очаровательной позе.

— Боже мой,— думала она.— Даже здесь я не могу обрести покой! Словно все поклялись мучить меня! В гостиной меня преследуют белые и плетут тысячи интриг, чтобы терзать меня. Здесь, среди подобных мне, кто, кажется, мог бы хорошо ко мне относиться, я надеялась обрести покой. Но и здесь находится одна, которая из зависти или неважно из-за чего косо смотрит на меня и злобно насмехается. Боже мой, боже мой! Я несчастна уже потому, что родилась в неволе. Но не лучше ли было бы родиться тупой и уродливой, как самая ничтожная негритянка, чем получить от небес дар, только отравляющий мое жалкое существование?

Но печальные размышления Изауры не были продолжительными. У входа раздался шум, и, подняв глаза, она увидела, что кто-то приближается к ней.

— Ах, боже мой! — прошептала она.— Опять! Ни минуты покоя!

Вошедший был ни кто иной, как лакей Андрэ, которого мы уже видели вместе с управляющим и который весьма нагло и дерзко встал перед Изаурой.

— Добрый вечер, прекрасная Изаура. Как поживает очаровательный цветок? — самонадеянно приветствовал ее хвастливый лакей.

— Хорошо,— сухо отрезала Изаура.

— Где девушки, которые обычно здесь работают? — спросил Леонсио управляющего, входя в сарай.

— Ушли ужинать, сеньор. Но скоро вернутся.

— Но одна осталась здесь... Ах! Это Изаура... Вот и хорошо,— подумал Леонсио,— более удобного случая трудно придумать. В последний раз попробую соблазнить это бесчувственное сердце.

— Как только рабыни поедят,— продолжал он, обращаясь к управляющему,— отведите их на кофейные плантации. Я уже давно собирался поручить вам это, да все забывал. Не желаю их больше видеть здесь ни минуты. Нечего им бездельничать и тратить время без пользы для меня в пустой болтовне. Хлопковых тканей большой выбор в продаже.

Как только управляющий вышел, Леонсио подошел к Изауре.

— Изаура,— прошептал он взволнованно и нежно.

— Сеньор! — воскликнула рабыня ее сердце болезненно сжалось. А в глубине ее души прозвучало: «Бог мой! Это он! Наступил мой роковой час».

Глава 8

Сейчас мы вынуждены покинуть ненадолго Изауру наедине с ее развратным и жестоким господином, чтобы поведать читателю о том, что произошло в этой маленькой семье и какой оборот приняло дело после траурного сообщения о кончине командора. Подобно взорвавшейся бомбе это известие ускорило неумолимо приближавшуюся развязку в тот момент, когда страсти достигли апогея и неизбежно надо было принимать какое-то решение.

Эта смерть, передав в руки Леонсио все отцовское состояние и развязав последние путы, еще сдерживавшие разгул его отвратительных страстей, могла лишь усугубить это щекотливое, по сути своей глубоко драматическое положение.

Леонсио и Малвина пребывали в трауре и не выходили из дома несколько дней, ставших передышкой в их размолвке, но не снявших взаимного раздражения. Энрике, непременно желавший уехать на следующий день, наконец, уступил просьбам и уговорам Малвины и согласился не покидать ее во время траура.

— Все зависит от того, как поступит мой муж,— сказала Малвина брату,— а то уедем вместе. Если за эти дни он не освободит или как-то иначе не определит судьбу Изауры, я ни на минуту не останусь в его доме.

Леонсио, запершись в своей комнате, ни с кем не говорил и даже не выходил оттуда несколько дней. Казалось, он пребывал в своем глубоком горе. Однако это было не так. Получив известие о смерти отца, Леонсио в самом деле перенес сильное потрясение, даже некоторый испуг, но не удар. В глубине души, по прошествии первых минут замешательства, страшно сказать, он даже обрадовался этому событию, которое помогло избавиться от необходимости объяснения с Малвиной и Мигелом. Во время своего заточения вместо того, чтобы скорбеть об утрате как любящий сын, Леонсио, ни в коем случае не желая смириться с потерей Изауры, размышлял лишь о том, как избежать разго-

вина, мы пока что не можем вручать судьбу Изауры слепому случаю. Сначала нужно обеспечить ей приличное положение, достойное ее красоты и образования, найти ей хорошего мужа, а это так сразу не получится.

— Какое жалкое оправдание, мой друг! Пока Изаура не нуждается в муже для защиты, ведь у нее есть отец, благородный человек, только что доказавший, что он преданно любит свою дочь. Вручим ее сеньору Мигелу, и у нее будет надежный защитник и добрый пастырь.

— Бедный сеньор Мигел! — возразил Леонсио, презрительно усмехнувшись.— Не сомневаюсь в искренности его намерений, но где он возьмет средства, чтобы сделать Изауру счастливой, особенно сейчас, когда он наверняка заложил все свое имущество до последней рубашки, чтобы оплатить свободу дочери. Весьма вероятно, что это даже чья-то милостыня, мне так кажется.

В ответ Малвина только грустно покачала головой и тяжело вздохнула. Ей очень хотелось верить в искренность своего мужа, поэтому притворилась успокоенной и удалилась, не обнаруживая своей досады. Впрочем, она не могла больше терпеть это столь унизительное для нее положение, отягощенное мучительной неизвестностью. На следующий день она была еще более настойчива. В ответ же услышала те же отговорки и доводы. Леонсио показывал всем своим видом, что занимается этим делом с презрительным безразличием человека, окончательно утвердившегося в решении исполнить задуманное. На этот раз Малвина не смогла сдержаться и порвала с мужем. Леонсио, будучи последовательным, расчетливо парировал женскую ярость циничными и насмешливыми колкостями, что привело Малвину в крайнее возбуждение и вызвало у нее гнев и досаду.

На другой день Малвина без объяснений торопливо покинула дом Леонсио и вместе со своим братом уехала в Рио-де-Жанейро. Она поклялась в порыве возмущения, что ноги ее больше не будет в доме, где ее так оскорбили и унизили. Она поклялась навсегда вычеркнуть из своей памяти вероломного и распутного супруга. Будучи в состоянии крайнего раздражения, она не могла предвидеть, хватит ли ей сил, чтобы осуществить эти далеко идущие планы, внушенные слепой ревностью и справедливым возмущением. Она не знала, что в таких нежных и добрых душах, как ее, ненависть исчезает быстрее, чем любовь, а любовь Малвины к Леонсио сохранилась, несмотря на его вероломство. Любовь гораздо сильнее, чем обида, какой бы справедливой она не была.

В свою очередь Леонсио, осуществив свой план противопоставления бурным порывам супруги самого холодного и бесстыдного равнодушия, прислонившись к косяку двери и небрежно покуривая сигару, безразлично, словно был здесь посторонним человеком, наблюдал за стремительными сборами своей жены.

Заметим, что в этом видимом равнодушии Леонсио не было ничего неестественного и неискреннего, он действительно не чувствовал никаких угрызений совести по поводу внезапного отъезда жены, наоборот, его радовало это своенравное, с его точки зрения, решение Малвины, полностью развязывавшее ему руки для осуществления отвратительных замыслов насчет несчастной Изауры. Своим показным равнодушием он сумел скрыть радость и удовлетворение, переполнявшие его сердце. Лишний раз он убедился в полезности избранного им и постоянно применяемого на практике, хоть и в менее серьезных обстоятельствах, правила: против женского гнева и капризов нет более могущественного оружия,

чет, и трудно представить себе, в какое состояние ужаса и отчаяния погрузилась бедная девушка при виде отъезжающей госпожи, оставляющей ее целиком и полностью на произвол судьбы, вручая без защиты похоти и прихотям того, кто был одновременно ее господином, обожателем и палачом.

Действительно, едва лишь Леонсио увидел, что экипаж Малвины скрылся за холмами, не в состоянии более сдерживать свое сатанинское ликование и не теряя времени он обошел весь дом в поисках Изауры. Наконец, он обнаружил ее лежащей на полу в самом дальнем углу, почти бездыханную, заливающуюся слезами, с вырывавшимися из груди судорожными рыданиями.

Избавим читателя от пересказа произошедшей там постыдной сцены. Скажем лишь, что Леонсио быстро исчерпал все имевшиеся у него в арсенале достойные приемы, убеждая девушку, что не только ее долгом, но и в ее же интересах было бы уступить его желаниям. Он делал ей самые соблазнительные предложения, давал самые торжественные обещания, дошел до мольбы, униженно ползал у ног рабыни, из уст которой слышал в ответ лишь горькие слова и справедливые упреки. Наконец, видя тщетность всех своих усилий, он отступил, исполненный ярости, изрыгая брань и страшные угрозы.

Приступив к осуществлению этих угроз, в тот же день он приказал отправить ее работать в прядильню, где мы и оставили ее в предыдущей главе. Он заверил девушку, что если она не уступит желаниям своего господина, то путь ее лежит на плантацию, с плантации — в тюрьму, из тюрьмы — к позорному столбу, а оттуда, наверняка, в могилу.

Глава 9

Сердце Леонсио пылало безумной и всепоглощающей страстью. Он не в силах был смириться с отказом и отложить удовлетворение своих похотливых притязаний. Бродя по дому, он будто бы отдавал распоряжения по хозяйству, которое отныне целиком поступило в его распоряжение, на самом же деле он подстерегал каждое движение Изауры, стремясь застать ее одну, чтобы вновь с еще большей настойчивостью добиваться осуществления своих низменных желаний. Из окна он увидел, как рабыни-пряхи пересекали двор, торопясь на ужин, и отметил, что Изауры среди них нет.

— Отлично! Все идет превосходно,— удовлетворенно прошептал Леонсио. Именно в эту минуту ему в голову пришла счастливая мысль приказать управляющему отправить всех рабов на кофейную плантацию. Таким образом он оставался с Изаурой почти наедине в просторных пустынных помещениях фазенды.

На первый взгляд кажется, зачем нужно было прибегать к подобного рода ухищрениям, чтобы остаться наедине с Изаурой, если она была рабыней. Ему стоило лишь приказать, и ее привели бы к нему добровольно или силой. Конечно, он мог бы так поступить, но власть красоты, даже принадлежащей рабыне, в сочетании с благородством души и превосходством ума внушают почтительность даже более развращенным и испорченным людям. А поэтому, несмотря на весь свой цинизм и упрямство,

нежный и преданный любовник окружу тебя заботой, лаской, роскошью, всем, что только может пожелать очаровательная возлюбленная! Малвина покинула меня. Тем лучше! Зачем она мне, зачем мне ее любовь, если у меня есть ты? Пусть расторгнется брак, заключенный по расчету! Пусть она навсегда забудет меня, а я обрету безграничное счастье в объятьях моей Изауры, и никогда не вспомню о прошедшем.

— Ваши слова наводят на меня ужас. Неужели вы способны забыть и пренебречь любящей и ласковой, наделенной очарованием и добродетелями женщиной, такой, как сеньора Малвина? Мой господин, простите меня за откровенность, оставить такую красивую, верную и добродетельную женщину из-за любви к бедной рабыне было бы с вашей стороны легкомысленно и опрометчиво.

Услышав эту отповедь из уст юной невольницы, Леонсио почувствовал, что его мужская гордость задета.

— Замолчи, наглая рабыня! — вскричал он с негодованием.— Неблагодарная, мало того, что ты пренебрегаешь мною и постоянно сопротивляешься! Теперь я вынужден выслушивать твои проповеди! Понимаешь ли ты, с кем говоришь?

— Простите, сеньор,— воскликнула Изаура, сожалея о вырвавшихся у нее словах.

— И все же, если ты будешь посговорчивее со мной... Но нет, это уж слишком — унижаться перед рабыней. Зачем мне просить то, что принадлежит мне по праву? Помни, неблагодарная и строптивая рабыня, что ты принадлежишь мне душой и телом, только мне и никому другому. Ты — моя собственность. Ваза, которую я держу в руках. Хочу — пользуюсь, хочу — разобью.

— Вы можете разбить ее, сеньор, я это знаю, но сжальтесь, не употребляйте ее в постыдных целях. У рабыни тоже есть сердце и даже сеньору не дано повелевать им...

— Сердце!.. Кто тут говорит о сердце? Разве ты можешь располагать им?

— Нет, конечно, мой господин. Но сердце свободно, им никто не властен распорядиться. Даже хозяин.

— У тебя рабская натура. И сердце твое подчинится, если же не уступишь мне, то у меня есть права и сила... Но к чему? Чтобы обладать тобой, нет нужды прибегать к крайним мерам... Порывы твоего сердца так же низки, как твое происхождение. Чтобы доставить тебе удовольствие, я сделаю тебя женой самого ничтожного, самого омерзительного из моих негров.

— Ах, сеньор! Я хорошо знаю, на что вы способны. Вот так когда-то ваш отец свел в могилу мою бедную мать. Я предвижу, что повторю ее судьбу. Но знайте, что я найду в себе силы, и мне хватит решимости навсегда освободиться от вас и от всего земного.

— О-о! — воскликнул Леонсио с сатанинской усмешкой.— Подумать только, ты достигла такой высокой степени экзальтации под влиянием романов! И это рабыня! Однако любопытно. Вот каков результат полученного тобой образования! Ну, что же, ведь ты рабыня, играющая на рояле и читающая книги. Хорошо, что ты меня предупредила, я сумею остудить твое разгоряченное воображение. Строптивая и безумная рабыня, у тебя не будет ни рук, ни ног, чтобы исполнить свои угрозы. Эй, Андрэ,— крикнул он и пронзительно свистнул в наконечник своего хлыста.

— Сеньор! — издали отозвался лакей и мгновение спустя появился перед Леонсио.

чам пышными локонами черных волос, с трепетно вздымающейся грудью она являла собой совершенную модель для вдохновенного художника, пожелавшего бы создать Скорбящую Богоматерь, к которой в эту минуту Изаура обращала свою страстную мольбу. Непорочные ангелы, казалось, окружавшие ее в эти минуты, овевая золотыми и карминовыми крыльями, несомненно отнесли ее пылкую, исполненную страданиями молитву к подножию трона Утешительницы скорбящих.

Погруженная в свое горе, Изаура не заметила, как в помещение бесшумно, настороженно оглядываясь, проскользнул ее отец и направился к ней.

— К счастью, она еще здесь,— шептал Мигел.— А палач уже побывал тут! Ах, бедная Изаура!.. Что с тобой будет?..

— Отец, вы пришли! — воскликнула несчастная, увидев Мигела.— Посмотрите, до чего довели вашу дочь!

— Что с тобой, девочка? Какое несчастье обрушилось на твои хрупкие плечи?

— Разве вы не видите, отец?.. Вот что уготовано мне,— ответила она, указывая на колодки и кандалы, лежавшие на лавке.

— Боже мой, какое чудовище! Я был готов ко всему, но это...

— Вот какую свободу собирается дать он той, которую его мать воспитывала и лелеяла. Унижения и насилия в неволе, непрерывные муки души и тела, вот что выпало на долю вашей несчастной дочери... Отец мой, я не вынесу таких страданий! У меня был один путь избавления, но и этого я буду лишена, закованная в кандалы, связанная по рукам и ногам! Ох, отец! Мой отец! Это ужасно! Отец мой, где ваш нож,— добавила она хриплым голосом после небольшой паузы, печально взглянув на него,— мне нужен ваш нож.

— Что ты собираешься делать, Изаура? Какие безумные мысли?

— Дайте мне ваш нож, отец. Я прибегну к нему только в самом крайнем случае. Если негодяй появится, чтобы заковать меня в это железо, он умоется моей кровью.

— Нет, дочь моя. Я не допущу этого! Отцовское сердце почувствовало, что здесь происходит, и я решился. Деньги, на которые я не смог купить твою свободу, помогут мне вырвать тебя из когтей этого чудовища. Все уже готово, Изаура. Бежим.

— Да, отец. Бежим. Но как? Куда?

— Подальше отсюда, куда угодно и немедленно, дочь моя, пока никто ничего не подозревает и пока тебя не заковали в кандалы.

— Ах, отец, я очень боюсь. Если нас поймают, что будет со мной?

— Дело рискованное, я не отрицаю. Но мужайся, Изаура, это единственная возможность спасти тебя. Отдадим себя воле провидения. Все рабы на плантациях, управляющий там же. Твой хозяин вместе с Андрэ уехал куда-то. Во всем доме, видимо, никого нет, кроме негритянки на кухне. Воспользуемся случаем, который нам послал всевышний. Я все обдумал. Там, в глубине сада у берега реки привязана лодка. Это главное, что нам нужно. Ты выйдешь первой и пойдешь в сад. Я выйду чуть позже, встретимся на берегу реки. Через час мы будем уже в Кампусе, где сядем на корабль, капитан которого мой друг. Утром корабль отплывает на Север. На рассвете мы будем далеко от твоего преследователя. Идем, Изаура, может, нам улыбнется удача, и ты встретишь в этом мире порядочного человека, который позаботится о тебе лучше меня.

— Идем, отец. Чего мне бояться? Могу ли я быть несчастнее, чем сейчас?..

— Я не делаю из этого тайны. Она живет с отцом в маленьком домике в предместье Санто Антонио, очень скромно, избегая знакомств и очень редко появляясь на людях. В этом домике, спрятавшемся в зарослях кокосовых пальм, она живет подобно фиалке среди травы или как таинственная фея в волшебном гроте.

— Чудно! — удивился доктор,— но как тебе удалось обнаружить эту очаровательную нимфу и проникнуть в ее таинственный грот?

— Я расскажу вам об этом в двух словах. Однажды, проезжая там верхом, я увидел ее, сидящую на скамье в небольшом садике. Меня сразу поразила ее совершенная красота. Заметив, что я смотрю на нее с чрезмерным любопытством, она, как мотылек, порхнула в цветущий кустарник и исчезла. Я твердо решил увидеть ее еще раз и поговорить с ней во что бы то ни стало. Однако как я ни расспрашивал соседей, не нашел никого, кто знал бы ее и мог бы меня представить. Наконец, я выяснил, кто владелец дома и отправился к нему. Но и у него я не получил интересовавших меня сведений. Он ничем не смог мне помочь. Его постоялец аккуратно вносил плату за жилье — вот и все, что он мне сказал. Однако, я продолжал каждый вечер прогуливаться возле их сада, чтобы хоть мельком увидеть и восхититься ею. Когда я замечал ее в саду, она, как и в первый раз, непременно пряталась от моих взглядов. Впрочем, однажды мне повезло: она уронила платок, проходя из сада в дом. Калитка была открыта, и я рискнул проникнуть в сад. Я поднял платок и подал его владелице, когда она уже стояла на пороге дома. Она поблагодарила меня такой чарующей улыбкой, что я готов был преклонить колени у ее ног, но она не пригласила меня войти и ничего не сказала мне.

— Этот платок, Алваро,— прервал его какой-то кавалер,— она наверняка специально уронила, чтобы ты мог приблизиться и заговорить с ней. Это обычное кокетство.

— Не думаю. Ей не знакомо кокетство, она слишком искренна и чиста. Я с трудом заставил себя покинуть это место, оно притягивало меня, как магнит, и мне почудилось, что я почувствовал волнения чистой любви.

Алваро прервал свой рассказ, погрузившись в приятные воспоминания.

— Признаться, Алваро,— заметил другой кавалер,— твой роман заинтересовал нас. Продолжай, мне не терпится узнать развязку...

— Развязку?.. Ее еще нет, и я не знаю, какой она может быть. Итак, я испробовал все возможные уловки, пытаясь проникнуть в святилище этой богини, но пока остался ни с чем. Однако мне посчастливилось. Случай помог мне гораздо больше, чем все мои старания и выдумки. Совершая как-то вечером прогулку в экипаже по берегу Бeберибе, в предместье Санто Антонио, что стало для меня привычкой, я заметил в лодке под парусом мужчину и женщину.

Мгновение спустя лодка села на мель. Я оставил свой экипаж, взял на пляже шлюпку и отправился на помощь путешественникам, тщетно пытавшимся столкнуть суденышко. Вы не представляете себе моего счастливого изумления, когда неожиданно для себя я узнал сидевших в лодке: это были моя таинственная незнакомка и ее отец...

— Я так и думал,— сказал доктор.— Однако случай весьма драматичный. История вашей любви к этой таинственной фее похожа на романтическую поэму.

— И, тем не менее, это правда. Они промокли и устали, и я сейчас же пригласил их в свой экипаж. После застенчивых отговорок они со-

— Я не делаю из этого тайны. Она живет с отцом в маленьком домике в предместье Санто Антонио, очень скромно, избегая знакомств и очень редко появляясь на людях. В этом домике, спрятавшемся в зарослях кокосовых пальм, она живет подобно фиалке среди травы или как таинственная фея в волшебном гроте.

— Чудно! — удивился доктор,— но как тебе удалось обнаружить эту очаровательную нимфу и проникнуть в ее таинственный грот?

— Я расскажу вам об этом в двух словах. Однажды, проезжая там верхом, я увидел ее, сидящую на скамье в небольшом садике. Меня сразу поразила ее совершенная красота. Заметив, что я смотрю на нее с чрезмерным любопытством, она, как мотылек, порхнула в цветущий кустарник и исчезла. Я твердо решил увидеть ее еще раз и поговорить с ней во что бы то ни стало. Однако как я ни расспрашивал соседей, не нашел никого, кто знал бы ее и мог бы меня представить. Наконец, я выяснил, кто владелец дома и отправился к нему. Но и у него я не получил интересовавших меня сведений. Он ничем не смог мне помочь. Его постоялец аккуратно вносил плату за жилье — вот и все, что он мне сказал. Однако, я продолжал каждый вечер прогуливаться возле их сада, чтобы хоть мельком увидеть и восхититься ею. Когда я замечал ее в саду, она, как и в первый раз, непременно пряталась от моих взглядов. Впрочем, однажды мне повезло: она уронила платок, проходя из сада в дом. Калитка была открыта, и я рискнул проникнуть в сад. Я поднял платок и подал его владелице, когда она уже стояла на пороге дома. Она поблагодарила меня такой чарующей улыбкой, что я готов был преклонить колени у ее ног, но она не пригласила меня войти и ничего не сказала мне.

— Этот платок, Алваро,— прервал его какой-то кавалер,— она наверняка специально уронила, чтобы ты мог приблизиться и заговорить с ней. Это обычное кокетство.

— Не думаю. Ей не знакомо кокетство, она слишком искренна и чиста. Я с трудом заставил себя покинуть это место, оно притягивало меня, как магнит, и мне почудилось, что я почувствовал волнения чистой любви.

Алваро прервал свой рассказ, погрузившись в приятные воспоминания.

— Признаться, Алваро,— заметил другой кавалер,— твой роман заинтересовал нас. Продолжай, мне не терпится узнать развязку...

— Развязку?.. Ее еще нет, и я не знаю, какой она может быть. Итак, я испробовал все возможные уловки, пытаясь проникнуть в святилище этой богини, но пока остался ни с чем. Однако мне посчастливилось. Случай помог мне гораздо больше, чем все мои старания и выдумки. Совершая как-то вечером прогулку в экипаже по берегу Беберибе, в предместье Санто Антонио, что стало для меня привычкой, я заметил в лодке под парусом мужчину и женщину.

Мгновение спустя лодка села на мель. Я оставил свой экипаж, взял на пляже шлюпку и отправился на помощь путешественникам, тщетно пытавшимся столкнуть суденышко. Вы не представляете себе моего счастливого изумления, когда неожиданно для себя я узнал сидевших в лодке: это были моя таинственная незнакомка и ее отец...

— Я так и думал,— сказал доктор.— Однако случай весьма драматичный. История вашей любви к этой таинственной фее похожа на романтическую поэму.

— И, тем не менее, это правда. Они промокли и устали, и я сейчас же пригласил их в свой экипаж. После застенчивых отговорок они со-

— Тем хуже для них,— возразил доктор.— Это очень плохой признак, и он утверждает меня в моих подозрениях относительно этих людей. Если бы они были невиновны, им было бы безразлично отношение публики и полиции, они продолжали бы жить, как жили.

— Твои подозрения беспочвенны, доктор. У них скромный достаток, и поэтому они избегают общество, которое, действительно, требует жертв от людей, не имеющих состояния... Они... Но вот они, входят... Смотрите, доверьтесь собственным глазам.

В эту минуту в залу вошла молодая прекрасная дама под руку с мужчиной зрелого возраста и почтенного вида.

— Добрый вечер, сеньор Анселмо! Добрый вечер, дона Элвира! Я счастлив, что вы здесь,— произнес Алваро, обращаясь к вновь прибывшим, покидая своих друзей и торопясь приветливо встретить гостей. Он предложил одну руку Элвире, другую сеньору Анселмо и повел их во внутренние залы, где уже собралось многочисленное и блестящее общество. Три собеседника Алваро, как и многие другие, находившиеся там, разом повернулись, чтобы увидеть Элвиру, чье появление вызвало восторженный шепот даже среди тех, кто не был предупрежден.

— Действительно!.. Ослепительная красота!

— Королевская осанка!

— Андалузские глаза!

— Какие роскошные волосы!

— А шея! Какая шея! Не заметил?

— И с какой элегантной простотой она одета,— так перешептывались меж собой три кавалера, взволнованные этим божественным видением.

— А ты обратил внимание на обольстительную родинку у нее на правой щеке?.. Алваро прав, его фея затмит всех здешних красавиц. Кроме того, у нее есть преимущество — она незнакомка, обаяние тайны, окружающее ее. Я буду нетерпеливо ждать, когда же нас представят ей. Хочу налюбоваться ею вдоволь.

Они продолжали разговаривать в том же духе. Но вот через несколько минут Алваро вновь оказался среди них, исполняя принятую им роль церемониймейстера при новой жемчужине города.

— Друзья мои,— торжественно произнес он,— приглашаю вас в гостиную. Я хочу представить вас доне Элвире, чтобы раз и навсегда развеять несправедливые и оскорбительные предположения, высказанные вами об этом прекрасном и чистом существе, вы убедитесь, что это самое прекрасное и чистое создание, живущее на земле. Я уверен, что ее появление уже повергло вас в изумление и восторг.

Кавалеры направились к дверям и исчезли в людском водовороте внутренних залов. Впрочем, на их месте тотчас же появилась стайка красивых, изящно одетых девушек, которые, сверкая шелками и каменьями, как райские птицы с радужным оперением, прогуливались, непринужденно болтая между собой. Они тоже обсуждали дону Элвиру, но оценки были совершенно противоположными и совершенно не походили на те, которые мы слышали от молодых людей. Нам будет небезынтересно послушать их хоть несколько минут.

— Вы не знаете, дона Аделаида, кто эта девушка, которая вошла в залу под руку с сеньором Алваро?

— Нет, дона Лаура. Я впервые ее вижу, кажется, она не из наших краев.

— Конечно. У нее такой испуганный вид! Она похожа на провинциалку, которая никогда не посещала балов. Вы согласны, дона Розалина?

Он ненавидел все социальные различия и привилегии. Надо сказать, что он был либералом, республиканцем и почти социалистом.

Имея такие убеждения, Алваро, конечно же, был сторонником отмены рабства и был им не только на словах. Немалую часть родительского наследства составляли рабы, и он сразу же освободил их всех. Кроме того, имея филантропическую наклонность и зная, сколь опасен резкий переход от состояния полного подчинения к абсолютной свободе, Алваро организовал для освобожденных им рабов нечто вроде колонии в одном из своих поместий, управление которой доверил честному и усердному человеку. Таким образом, и негры, и общество, и сам Алваро получили большую выгоду. Земля была предоставлена им для работы на условиях аренды, и они, подчиняясь определенному порядку, не только избежали бедности, преступности и развращенности, но получили надежные средства к существованию и даже могли откладывать некоторые сбережения, а также возместить Алваро убытки, связанные с их освобождением. Независимый и эксцентричный как богатый английский лорд он исповедовал в своей жизни строгие принципы. Обладая одновременно живым воображением и впечатлительным сердцем, Алваро очень любил удовольствия, роскошь, наслаждения. Его любовь к женщинам отличалась тонкой деликатностью и идеалистической чистотой, доступной только возвышенным натурам и добрым сердцам. Заметим, что Алваро до сих пор не встретил девушку, которая стала бы для него воплощенным идеалом, созданным его поэтическим воображением в смутных мечтах. Имея такие исключительные и блестящие данные, Алваро, конечно, являлся предметом всеобщего интереса со стороны прекрасной половины высшего света, а может и тайной страсти, заставлявшей трепетать сердца не одной знатной и прекрасной девственницы. Впрочем, одинаково вежливый и любезный со всеми, он ни на одной из них не остановил своего выбора.

Трудно себе вообразить разочарование, изумление и растерянность, охватившие прекрасных дам Ресифе, когда они увидели, с каким интересом и какой заботливостью отнесся Алваро к безвестной и бедной девушке, с какой учтивостью он обращался к ней и какие восторженные похвалы, не скрывая, расточал ей. Юнона и Паллада были менее раздосадованы, когда прекрасный Парис присудил Венере приз красоты. Уже до этого вечера в определенных дамских кругах Алваро высказывался об Элвире в весьма восторженных выражениях и с весьма пылким красноречием, что повергло в изумление и встревожило дам. Девушки горели желанием увидеть этот эталон красоты и уже заранее приготовили для незнакомки и ее рыцаря тысячи язвительных замечаний, едких насмешек и злобных шуток. Однако когда они воочию увидели ее, то несмотря на пренебрежительные улыбки, блуждавшие у них на устах, девушки почувствовали себя уязвленными в самое сердце красотой незнакомки. Прошу прощения у красавиц за мою прямолинейность и откровенность, но за очень редким исключением тщеславие — неизменная спутница красоты, а там, где есть тщеславие, рано или поздно рождается зависть, неизменно следующая за ним в большем или меньшем отдалении. Очарование незнакомки было бесспорно, ее скромность и робость не портили своеобразную, наивную и естественную элегантность, простое и даже бедное платье, потерявшееся в окружении пышных роскошных нарядов, великолепно сидело, изящно подчеркивая ее природную стать. Исключительное впечатление, произведенное Элвирой при первом появлении в обществе, и усердие, с которым Алваро старался подчеркнуть соблазнительную привлекательность Элвиры, словно для того, чтобы затмить других красавиц в гостиной, были уже достаточным поводом

— Скорее, отец мой. Бежим отсюда.

— Не волнуйся, дочка, успокойся,— отвечал ей мужчина, пытаясь остановить ее.— Здесь никто не догадывается, кто ты. Как могут они предположить, что ты рабыня, если ни одна из этих красивых и благородных сеньор не может ни красотой, ни изяществом, ни воспитанием поспорить с тобой?

— Тем хуже, отец. Я привлекаю всеобщее внимание и эти любопытные взгляды, направленные на меня изо всех углов, заставляют меня вздрагивать каждую минуту. Уж лучше бы земля раздвинулась у меня под ногами, и я бы скрылась от всех в ее недра.

— Оставь эти мысли, твой страх и сомнения беспочвенны, они могут погубить нас. Веди себя непринужденно, не скрывай своего очарования и умения танцевать, петь, вести беседы, пусть тебя видят веселой и спокойной, тогда никто не подумает, что ты рабыня, нет, они примут тебя за принцессу. Наберись мужества, дочь моя, по крайней мере здесь. В первый и последний раз мы подвергаем себя этому испытанию. Мы больше не можем оставаться в этом городе, где к нам начали относиться с подозрением.

— Правда, отец!.. Какая судьба! — ответила девушка, грустно склонив голову.— Мы обречены всегда странствовать по свету как изгои общества, скрываясь и ежесекундно вздрагивая. Видно, небо отметило нас своим проклятьем... Ах! Наш отъезд причинит боль моему сердцу!.. Не знаю, что меня привязывает к этим местам... однако мне придется сказать им прощай навеки. Этому краю, где так недолго я наслаждалась радостью и покоем. Ах! Боже мой!.. Кто знает, не лучше ли мне было умереть в рабстве!

В это время в залу торопливо вошел Алваро. Казалось, что он кого-то ищет.

— Куда же они делись? — прошептал он,— может, им стало скучно и они ушли?.. Ах, нет! К счастью, вот они! — радостно воскликнул молодой человек, увидев отца и дочь, беседу которых мы только что слышали.— Дона Элвира, вы так скромны. Зачем вы скрываетесь здесь, вы должны блистать в зале, где все с нетерпением ждут вас. Такое поведение скорее подходит робкой увядающей фиалке, а не великолепной розе, которая должна красоваться при ярком свете дня.

— Простите меня,— прошептала Изаура,— бедная девушка, такая как я, воспитанная в деревенской глуши и не привыкшая к великолепным собраниям, чувствует себя смущенно в роскошной толпе...

— О, нет! Вы привыкнете, я надеюсь. Огни, блеск, музыка, ароматы духов создают атмосферу, в которой должна сверкать ваша красота, созданная богом, чтобы радовать и восхищать людей. Я искал вас по просьбе нескольких кавалеров, которые уже стали вашими поклонниками. Чтобы сменить однообразие вальсов и кадрилей здешние дамы имеют обыкновение очаровывать наш слух музицированием. Кое-кто, кому я уже сказал, простите меня за бестактность — наперсницу восторга, что вы обладательница нежного и сильного голоса, изъявляют желание послушать вас.

— Я, сеньор Алваро!.. Я не могу петь в таком блестящем собрании! Пожалуйста, избавьте меня от нового испытания. Прошу вас, в ваших собственных интересах. Я плохо пою, очень стеснительна и уверена, что подведу вас. Давайте избежим этого.

— Я не могу принять ваши доводы, потому что уже слышал, как вы поете, и поверьте мне, дона Элвира, если бы я не знал, что вы поете восхитительно, я бы не посмел подвергнуть вас такому испытанию. Вы

одолеть робость и страх, которые сковывали ее душу. Губы ее увлажнились от слез, и голос вырвался из ее груди с такой необычной и захватывающей силой, такого чистого и нежного тембра, исполненный такой возвышенной меланхолии, что не одна слеза скатилась по щекам завсегдатаев этого храма изысканных удовольствий и легкомысленных наслаждений.

Элвира имела головокружительный успех! Как только отзвучали последние аккорды, зал взорвался громом аплодисментов. Казалось, что от грома рукоплесканий и восторженных возгласов обрушится здание.

— Фея Алваро еще и сирена,— говорил доктор Жералдо одному из кавалеров, в компании которого мы его уже видели.— В ней все прекрасно... Какой чистый и нежный тембр голоса! Я решил, что вознесся на небеса и слушаю ангельские хоры.

— Настоящая артистка... В театре она затмила бы Малибран и завоевала бы мировую славу. Алваро прав, такое создание не может быть обычной женщиной, а тем более авантюристкой...

Оркестр, заигравший кадриль, заглушил их последние слова и не позволил нам дослушать их разговор.

— Дона Элвира,— сказал Алваро, направляясь к своей протеже, уже сидевшей рядом с отцом.— Вы помните, что оказали мне честь, подарив мне эту кадриль.

Элвира заставила себя улыбнуться и побороть ужасную слабость, вновь охватившую ее после того, как она кончила петь.

Она приняла руку Алваро, и они заняли свое место в ряду танцующих.

Глава 12

Читатели уже наверняка догадались, что прекрасная Элвира — это рабыня Изаура, а сеньор Анселмо — ее отец. Мы уже знаем, что Изаура не только была умна от природы, но и получила прекрасное по тем временам образование, поэтому у нее такие изысканные манеры, изящная, выразительная и гибкая речь, а также масса других достоинств, позволивших этой рабыне появиться и даже блистать в просвещенном и аристократическом обществе.

Та безысходность, в которую попала его дочь, вдохновило Мигела на крайнее средство — поспешное бегство, сопровождавшееся множеством случайностей и опасностей. Он с ужасом вспоминал о трагической судьбе матери Изауры, ставшей жертвой таких же обстоятельств. Мигел хорошо знал, что Леонсио такой же бессердечный, как и его отец, и даже еще более испорченный и распутный, способен на любые крайности и злодеяния. Потеряв надежду выкупить дочку за деньги, собранные им, он решил воспользоваться этой суммой для того, чтобы любым путем вырвать бедную жертву из рук злодея. Мигел отдавал себе отчет в том, что выкрасть рабыню из дома хозяев и покровительствовать ее бегству было не только преступлением в глазах общества, но еще и недостойным поступком. Но эта рабыня была его родной дочерью, невинной жемчужиной, которая неминуемо была бы осквернена или раздавлена рукой

цельной натуре, хотя и понимала, что эта любовь — всего лишь новый источник слез и мучений для ее сердца.

Она понимала, какая пропасть лежит между ней и Алваро, и что нет надежды у ее гибельной страсти, которую придется запрятать далеко, в самые потайные уголки ее сердца, где, как страшная болезнь, она будет пожирать свое обиталище.

В свою горькую чашу судьбы, уже почти переполненную слезами, она добавила волей случая и это жестокое страдание, которое будет жечь ей душу и отравлять существование вечно.

Обманывать общество, скрывать свое настоящее происхождение было тяжело для нее. Бесхитростная и щепетильная она стыдилась, себя самой за то, что вызывала у немногих людей, с которыми общалась, уважение и почтение, на которое не имела права рассчитывать. Но искренне полагая, что подобное притворство не принесет обществу большого вреда, она примирилась со своей судьбой. Однако должна ли она и могла ли, сохраняя секретность, вводить в заблуждение своего возлюбленного? Оставляя его в неведении относительно своего происхождения, должна ли она своим молчанием позволять расти глубокой и сильной страсти, которой воспылал к ней юноша? Не будет ли это низким, недостойным обманом, подлым предательством по отношению к нему? Не будет ли он вправе, узнав истину, бросить ей в лицо горькие упреки, презирать ее, пренебречь ею, наконец, обойтись с ней, как с подлой и низкой рабыней. Эти вопросы постоянно мучили беглянку.

— Ах, это было бы для меня ужаснее, чем тысяча смертей! — воскликала она в томительном волнении от мыслей, мучивших ее сердце.

— Нет, я не вправе обманывать его. Это недостойно... Я откроюсь ему. Это мой долг, и я его выполню. Он узнает, что не может, не должен любить меня. Во всяком случае, он не будет презирать меня... Рабыня, поступающая честно и благородно, по крайней мере, заслуживает уважения. Нет, я не могу обманывать его, я должна рассказать ему все.

Таким было решение, которое внушали ей ее врожденное благородство и рассудок, голос которого не умолкал ни днем, ни ночью. Но когда наступала минута исполнить это намерение, силы покидали ее, и Изаура откладывала осуществление своего благого порыва.

Она совершенно не находила в себе мужества, чтобы разрушить своими собственными руками те сладкие грезы, которые так ласково успокаивали ее и иногда позволяли ей ненадолго забыть свое жалкое положение и думать только о том, что она любит и любима.

— Пусть принадлежит еще один день,— размышляла она про себя,— этому несказанному, призрачному счастью. Я приговорена, но судьба выводит меня из подземелья на сцену, чтобы я исполнила роль счастливой и могущественной принцессы. Когда представление закончится, я снова буду заточена в моей темнице, чтобы никогда уже не покинуть ее. Продлим эти прекрасные мгновения. Разве это преступление — подарить хоть в мечтах минуты счастья несчастной преступнице? Эта хрупкая золотая нить, связывающая меня с небом, может внезапно порваться, и я вернусь к своим страданиям.

В этой нерешительности, в этой внутренней борьбе, в которой голос страсти заглушал доводы рассудка, прошло несколько дней, пока Алваро настоятельно уговаривал их принять приглашение на бал. Тогда Изаура поняла, что было бы вероломством, беспримерной низостью держать и дальше своего возлюбленного в неведении относительно ее происхожде-

Изаура, ради всего святого, не говори мне больше об этом. Пока кровь течет в моих жилах, пока бьется это отцовское сердце, я буду пытаться спасти тебя.

— Спасти меня, совершив подлость, отец! — решительно возразила девушка.— Как я могу, не став низкой и вероломной обманщицей, появиться, представленная им как свободная сеньора, на балу? Когда этот сеньор и столько других достойных людей узнают, кто стоял рядом с ними, что вместе с ними танцевала жалкая беглая рабыня...

— Замолчи, девочка! — прервал отец, взволнованный возбуждением дочери.— Не говори так... так громко... успокойся. Они никогда ничего не узнают. Очень скоро мы оставим этот город, возможно, завтра, если нам посчастливится. Уплывем на любом пароходе, и как можно дальше, например, в Соединенные Штаты. Там, мне кажется, мы будем недосягаемы для злого преследования. Я — своим трудом, ты — своим образованием, можем заработать не только скромное пропитание, но и безбедное житье в любой части света.

— Ах! Отец! Это решение уехать далеко, без надежды вернуться сюда когда-нибудь, гнетет мое сердце.

— Что поделаешь, дочка! Сейчас, даже если нам придется идти на край света, нам необходимо бежать от преследования этого чудовища.

— Но молодой человек, который проявил к нам такой интерес, сеньор Алваро, такой благородный и великодушный, узнав о моем происхождении и об ужасных обстоятельствах, заставляющих нас бежать и скрываться по свету, может, он захочет оказать нам помощь и защитить от преследователя...

— Кто может поручиться за него?.. Скорее всего он будет презирать тебя, как только узнает, что ты всего лишь беглая рабыня, а, может быть, досадуя, что мы его провели, он станет первым, кто выдаст тебя полиции. В опасности, которой мы подвергаемся, нам совершенно необходимо таиться от него и ото всех. Если мы откроемся кому-либо, то мы погибли. Мужайся. Мы идем на бал, дочка, это необходимо, но это последняя жертва, которую мы должны смиренно принести ради нашей безопасности. Скоро мы будем далеко. Если они однажды и узнают, кто ты, какая нам разница? Они нас больше никогда не увидят и скоро забудут. Ты слишком щепетильна. Если они не узнают, кто ты, то ты не унизишь это общество. Этим ты никому не причинишь зла, это мера защиты, которая извинительна в нашем положении.

— Отец, кажется, вы правы. Но не знаю, почему этот шаг вызывает такое отвращение у меня.

— К сожалению, это неизбежно, дочка, если ты не хочешь несчастья и смерти нам обоим. Если мы не пойдем на этот бал, а вскоре исчезнем, что вероятнее всего, подозрения, которые мы уже вызвали своим образом жизни, заставят полицию идти по нашему следу. Она будет всюду нас преследовать. Действительно, это — жертва, но гораздо более приятная, чем преследования полиции, тюрьма, пытки и смерть. Чего еще тебе можно ожидать в доме твоего господина?

Изаура не отвечала, ее разум был поглощен противоречивыми и горькими размышлениями.

Слова отца повергли ее в глубокое уныние. Оглушенная столькими ударами судьбы, душа ее тонула в море сомнений и растерянности, как хрупкое суденышко среди бурного океана, которым разбушевавшаяся стихия играет, как щепкой.

Щепетильность и деликатность ее натуры, честность и искренность сердца, которое не могло жить по законам лжи, и какое-то смутное

Глава 13

Пусть наш читатель не думает, что бал, на котором мы присутствовали, закончился. То отступление, которое мы сделали в предыдущей главе, необходимо было для того, чтобы поведать читателю о тех обстоятельствах, которые вынудили нашу героиню, рабыню, присутствовать в избранном аристократическом обществе. Сердечная слабость, нетвердость характера — что бы там ни было, но поступок ее хотя и был извинительным, но далеко не разумным.

Бал продолжался, но уже не такой оживленный и праздничный, как сначала. Бурные аплодисменты и всеобщее восхищение кавалеров, обращенное к Изауре, вызвали зависть среди самых красивых и привлекательных дам собрания. Раздосадованные на своих любимых кавалеров за восторги, расточаемые ими Изауре, и почести, которые они откровенно оказывали той, что подразумевалась королевой бала, дамы не желали танцевать, и вместо веселого смеха и остроумной беседы по углам среди разобщенных группок только и слышались, что таинственно нашептываемые излияния и шушуканья, прерываемые вымученными саркастическими усмешками.

Среди девушек на балу нарастал недовольный ропот. Он как неясный шум наполнял залу, как бы предшествуя грядущей буре. Поговаривали, что уже тогда некоторые догадывались о происхождении этой женщины, затмившей их всех очарованием и незаурядным талантом. Многие из них даже удалились, в частности те, которые лелеяли тайную надежду или считали, что имеют какие-то права на сердце Алваро. Потрясенные бесспорным успехом Изауры, не имея больше сил продолжать сражение, они предпочли тихонько скрыть свои досаду и стыд от столь жестокого и очевидного поражения, спрятаться в таинственной глубине домашних альковов.

Однако мы не можем утверждать, что среди стольких благородных дам, отличавшихся очарованием души и красотой тела, не было многих, которые со всем бескорыстием и без малейшей тени зависти не восхищались бы искренне красотой Изауры и от всего сердца и с удовольствием не аплодировали бы ее успеху. Они-то и сумели несколько оживить вечер, который без них совсем омрачился бы. Ни для кого не секрет то, что по крайней мере половина прекрасного пола вне зависимости от своего происхождения становится объектом насмешек, вызванных завистью, ревностью и мелочным соперничеством.

Оставим Изауру, танцующую с Алваро кадриль. Пока они танцуют, выйдем в небольшую залу, где стоят столы и буфеты, уставленные крюшонницами, бутылками пива и шампанского. В это помещение можно было попасть из танцевальной залы через большую распахнутую дверь. Там расположились шестеро молодых людей, в основном студенты, стремящиеся прослыть повесами, наделенными чертами эксцентричными, подражатели Байрона, уже испытывавшие скуку от общества, удовольствий и женщин, имеющие обыкновение говорить, что не променяли бы сигару или бокал шампанского на самую ласковую улыбку самой прекрасной девственницы, те разуверившиеся, что не перестают заявлять в стихах и прозе, что их сердце иссушил ветер скептицизма или съело пламя страсти, или оно заледенело, всем пресытившись. Это были мизантропы, полные сплина, что всегда присутствуют на всех балах и всякого рода собраниях, демонстрируя свое пренебрежение к удовольствиям общества и равнодушие к жизненным радостям.

— Сумасшедшие — это вы. Моя игра такая... Но сколько вы мне заплатите за то, что я расскажу о ней? Прикиньте. Это очень любопытно.

— Хочешь разжечь наше любопытство, чтобы получить несколько монет, так ведь?.. Так вот, на сей раз заверяю, что от меня ты ничего не получишь. Иди к черту вместе с твоей игрой и оставь нас в покое. За карты, друзья, и забудем Мартиньо с его глупостями...

— Ты хочешь сказать, что это мошенничество...

— Ах, глупцы! — воскликнул Мартиньо,— у вас еще молоко на губах не обсохло. Идите сюда, идите и смотрите, это не глупость и не мошенничество. Я решил раскрыть вам свою игру, потому что хочу знать, совпадает ли ваше мнение с моим. Вот моя игра,— заявил он, показывая бумагу, извлеченную им из кармана.— Это всего лишь объявление о побеге раба.

— Ха! Ха! Ха! Вот это да!

— Что за чушь? Ты действительно сумасшедший, Мартиньо.

— Причем здесь объявление о беглом рабе?..

— Разве ты стал судебным исполнителем или лесным капитаном?

Такие замечания вызвало у юношей признание Мартиньо. Слушатели громко расхохотались, как бы желая заглушить оркестр.

— Не понимаю, почему вы так удивляетесь,— холодно заметил Мартиньо.— Ведь вы еще не видели этого большого, отдельно набранного объявления, пришедшего из Рио-де-Жанейро и распространенного по городу «Коммерческой газетой».

— Разве мы полицейские или судебные исполнители, чтобы копаться в подобных объявлениях?

— Но, посмотрите, какое оно любопытное, да и вознаграждение не позволяет им пренебрегать.

— Бедный Мартиньо, как глубоко сидит в тебе жадность к золоту, которая вынуждает тебя разыскивать беглых рабов на балу! Разве здесь ты сможешь встретить беглецов?

— Ну! Кто знает? У меня есть основания полагать, что я встречу ее именно здесь, за что и получу мои пять тысчонок, которые, между нами говоря, будут мне сейчас весьма кстати, поскольку магазин моего компаньона последнее время приносит очень малые доходы.

Мартиньо назвал «магазином» маленький трактир, совладельцем которого он был. Произнося эти слова, он встал в дверях, ведущих в залу, и оттуда долго смотрел то на танцующих, то в объявление, которое он держал в руках, как бы изучая и сопоставляя приметы.

— Какого дьявола ты торчишь там, Мартиньо? — воскликнул один из молодых людей, позабыв об игре, заинтересованный ужимками Мартиньо, гримасничавшего, как клоун.

— Он сумасшедший, у меня нет ни малейшего сомнения,— заметил другой.— Искать беглого раба в танцевальной зале! Только этого еще не хватало! Если бы он разыскивал какую-нибудь принцессу, то, наверняка, направился бы в киломбо *.

— Может, он смотрит на какого-нибудь лакея или служанку?

— Как мне кажется, ни один лакей и ни одна служанка там не появлялись, а он не сводит глаз с танцующих.

— Оставь его. Кроме того, что он жалкий коммерсант, он, к тому же, всегда был первостатейным негодяем.

---

* Киломбо — поселение беглых негров — рабов (прим. пер.)

мание на эту красавицу, танцующую с Алваро. Бедняга Алваро, он счастлив! Если бы он знал, с кем танцует, он бы разом изменился в лице. Посмотрите хорошенько, господа, разве приметы не совпадают?

— Совпадают! — быстро ответил один из юношей.— Это невероятно! Я вижу родинку на левой щеке, которая придает ей неизъяснимую прелесть. Если у нее есть то крыло бабочки над правой грудью, то сомнений быть не может. Боже! Возможно ли, чтобы такая красивая девушка была рабыней?

— И осмелилась появиться на этом балу? — добавил другой.— Я все еще не могу в это поверить.

— Ну, что касается меня,— сказал Мартиньо,— то я думаю, что здесь дело верное, и я уже слышу звон золота в моем кошельке. Заветные пять тысяч рейсов... до скорой встречи, мои дорогие сеньоры.

Говоря так, он осторожно сложил объявление, сунул его в карман и, потирая руки с удовлетворением, взял шляпу и удалился.

— Исключительный подлец,— сказал один из присутствующих,— до чего же он жаден до золота, этот Мартиньо! Думаю, что он способен на все, и даже может сделать так, чтобы эту красивую девушку арестовали прямо здесь, на балу.

— За пять тысяч он готов на любую подлость. Это ничтожество позорит наше общество. Мы должны все вместе постараться изгнать его из Академии. Я сам бы дал пять тысяч, чтобы быть рабом такой необыкновенной красавицы.

— Это поразительно! Кто бы мог подумать, что за такой ангельской внешностью скрывается беглая рабыня!

— А кто сказал, что в теле рабыни не может скрываться ангельская душа?..

Глава 14

Окончилась кадриль. Алваро, весьма довольный собой, провел свою очаровательную спутницу через залу, сопровождаемый взглядами, горящими завистью и восхищением. Пользуясь удобным случаем, он предложил ей выпить какой-нибудь прохладительный напиток, для чего увел ее в уединенную, почти пустынную комнату. До этого момента он еще не объяснялся в любви Элвире, хотя эта любовь, разгоравшаяся все сильней, постоянно светилась в его глазах, проявлялась в словах, во всех его движениях и поступках. Алваро считал, что уже хорошо знает эту девушку и, изучая ее в течение двух месяцев, открывал в ней все новые и новые достоинства и совершенства. Он был твердо убежден, что из всех известных ему до тех пор красавиц Элвира была самой достойной его любви и уже никоим образом не сомневался в чистоте ее души и искренней привязанности. Поэтому он полагал, что без какого бы то ни было риска для своего будущего может отдать свое сердце во власть этой страсти, с которой был уже не в силах совладать. Что касается того, откуда родом Элвира, то это его нисколько не заботило и он ни разу не попытался разузнать что-нибудь. Классовые предубеждения были чужды его принципам и филантропическим чувствам, ему было безразлично, была ли она принцессой, гонимой судьбой, или

устремляла отчаянный взор. Вся кровь прилила ей к сердцу, трепетавшему как у голубки, чувствующей на своей груди безжалостные когти ястреба.

Погрузившись в это состояние страха и смятения, Изаура не нашла, что ответить на столь искреннее и страстное признание юноши. Несколько мгновений она хранила молчание, что Алваро истолковал как волнение неопытной души.

— Вы не хотите отвечать? — нежно продолжал он.— Но хоть одно слово. Только одно слово...

— Ах, сеньор,— прошептала она, вздыхая.— Что я могу ответить на сладостные слова, произнесенные вами? Они волнуют меня, но...

Элвира внезапно замолчала. Неожиданная дрожь, охватившая ее, передалась Алваро. Это заставило его посмотреть на девушку с испугом и тревогой.

— Это он! — этот возглас сорвался с ее губ как глухой и сдавленный стон. Она увидела Мартиньо, входящего в зал и смертельный озноб охватил все тело несчастной.

— Простите меня, сеньор,— прошептала девушка,— сегодня я не в состоянии слушать ваши нежные слова. Я плохо себя чувствую, мне необходимо уйти. Если вы будете так добры, то проводите меня к отцу...

— Конечно, дона Элвира!.. Как вы бледны! Что с вами? Хотите, я провожу вас домой?.. Хотите, позову доктора?.. Здесь есть врачи.

— Спасибо, сеньор Алваро, не беспокойтесь. Это мимолетное недомогание, скорее всего усталость. Мне будет лучше вернуться домой.

— Так вы хотите уйти, не сказав мне ни единого слова утешения, не обнадежив...

— Может быть, утешения, но надежды — нет...

— Почему нет?

— У меня самой ее нет.

— Значит вы не любите меня...

— Очень люблю.

— Тогда вы будете моей!

— Это невозможно...

— Невозможно!.. Какие могут существовать препятствия?

— Не могу сказать вам. Это мой крест.

В самом увлекательном месте это любовное объяснение было прервано внезапным появлением Мартиньо, приветствовавшего их глубоким поклоном. Возмущенный Алваро нахмурил брови и был готов прогнать назойливого студента, как отгоняют собаку. Элвира замерла, будто окаменела от ужаса.

— Сеньор Алваро,— почтительно обратился к нему Мартиньо,— с вашего позволения мне надо сказать несколько слов этой сеньоре, которая опирается на вашу руку.

— Этой сеньоре! — воскликнул удивленный кавалер.— Какое у вас может быть дело к этой сеньоре?

— Очень важное. И ей это должно быть известно лучше, чем нам с вами.

Алваро, зная, сколь гнусен и презираем был Мартиньо, и решив, что речь шла об уловке некоего завистливого и трусливого соперника, воспользовавшегося этим ничтожеством, чтобы оскорбить или высмеять его, почувствовал приступ ярости, но на мгновение сдержался.

— У вас какие-то дела с этим человеком? — спросил он у Элвиры.

— У меня? Никаких, конечно. Я даже не знаю, кто это,— прошептала бледная и дрожащая девушка.

Между тем эта ссора начинала привлекать всеобщее внимание и многочисленные гости, движимые любопытством, уже собирались вокруг спорящих. Роковая фраза: «Эта сеньора — рабыня!» — громко произнесенная Мартиньо и передававшаяся из уст в уста, от одного к другому с невероятной быстротой уже ходила по всем залам и отдаленным уголкам обширного здания. Слух распространился повсюду. Дамы и кавалеры — все, кто там находился, включая музыкантов, привратников и лакеев, толкаясь, устремились в гостиную, где происходили описываемые нами события. Зала была буквально набита людьми, которые изо всех сил напрягали слух и, вытягивая шеи, старались увидеть и услышать происходящее.

Посреди этой молчаливой, недоумевающей, ошеломленной, жаждущей сенсации толпы спокойный Мартиньо достал из кармана уже известное нам объявление, развернул его и громким резким голосом прочитал от начала до конца.

— Очевидно,— продолжал он, закончив чтение,— что приметы неоспоримо сходятся и только слепой не узнает в этой сеньоре беглую рабыню. Но, чтобы развеять возможные сомнения, остается только проверить, есть ли у нее след ожога над правой грудью. А в этом легко убедиться уже сейчас с разрешения сеньоры.

Сказав это, Мартиньо развязной походной направился к Изауре.

— Стой, мерзкий шпион! — в бешенстве вскричал Алваро и, схватив Мартиньо за руку, отшвырнул его от Изауры так, что тот упал бы на пол, если бы не натолкнулся на людей, тесно сгрудившихся вокруг них.— Стой. Без вольностей! Кто бы она ни была, но я не допущу, чтобы твои грязные руки коснулись ее.

Подавленная ужасом и стыдом, подняв, наконец, лицо, которое она спрятала на груди отца, Изаура повернулась к присутствующим и, сложив клятвенно перед собой руки, отчаянно воскликнула дрожащим голосом:

— Нет нужды прикасаться ко мне. Сеньоры, простите! Я совершила низость, недостойный, позорный поступок! Но бог свидетель, меня толкнуло на это жестокое стечение обстоятельств. Сеньоры, то, что говорит этот человек — правда. Я... рабыня!..

Лицо пленницы покрылось смертельной бледностью, голова бессильно упала на грудь, как срезанная лилия, гордое тело рухнуло, как мраморная статуя, сорванная ураганом с пьедестала, и она упала бы на пол, если бы Алваро и Мигел заботливо не подхватили ее.

Рабыня! Это слово, вырвавшееся из груди Изауры, как последний вздох, теперь передавалось из уст в уста ошеломленной толпой и долго разносилось эхом по просторным залам и гостиным словно зловещий вой полуночных порывов ветра в чаще мрачного бора.

Этот необычный инцидент произвел на балу эффект разорвавшейся посреди бивуака бочки пороха. В первые мгновения — страх, оцепенение и нечто вроде гнетущего кошмара, затем — возбуждение, переполох, движение и жалобные стоны.

Алваро и Мигел проводили обессилевшую Изауру в дамский будуар и там с помощью некоторых сострадательных дам оказали ей соответствующую случаю помощь. Они не отходили от нее, пока девушка не пришла в себя окончательно. Обеспокоенный и обескураженный Мартиньо шел за ними по пятам и подсматривал с возможно близкого расстояния, больше всего опасаясь, как бы добыча не ушла от него.

Удивлению и волнению, поднявшихся в зале, не было границ. Публика находилась под впечатлением этого неожиданного разоблачения. Какое

Глава 15

После событий на балу, о которых мы рассказывали, прошло около месяца. Изаура и Мигел благодаря покровительству Алваро продолжали жить в том же маленьком домике в предместье Санто Антонио. Не имея больше возможности даже мечтать о побеге и свободе, они остались в Ресифе по совету своего покровителя, в ожидании результатов его усилий, предпринимаемых в их интересах, и находясь при этом в самой томительной тревоге, как Дамокл с подвешенным над его головой на тонкой нитке острым мечом.

Алваро ежедневно бывал в доме беглецов и проводил долгие часы в разговорах о возможности добиться свободы для своей протеже, пытаясь ободрить их надеждой на счастливый исход его усилий.

Чтобы лучше понять то, что произошло со времени рокового бала, послушаем беседу Алваро и Жералдо, происходившую в доме Изауры.

Жералдо на следующее утро после бала был вынужден оставить Ресифе и уехать в отдаленный поселок, куда его пригласили вести важное дело. Вернувшись в столицу штата через месяц, он прежде всего отправился к Алваро, побуждаемый не только дружбой, но и желанием узнать завершение необычного события на балу. Не застав дома своего друга два или три раза, он предположил, что вероятнее всего сможет увидеть его в доме Изауры, если она еще находится в Ресифе и живет в том же домике. Он не ошибся.

Услышав голос своего друга, спрашивающего о нем у калитки сада, Алваро тотчас же вышел ему навстречу, прежде заверив хозяев, что этот человек не представляет для них никакой опасности, так как является его близким другом и с разрешения хозяев впустил его.

Жералдо приняли в маленькой комнате в передней части дома. Эта комната, хоть и не слишком просторная и очень просто обставленная, была весьма уютна, светла и полна аромата цветов. Вьющиеся растения, как живые занавеси, затеняли окна комнаты, и поэтому она была скорее похожа на беседку, чем на комнату. Солнечный свет проникал туда через распахнутую дверь, ведущую на веранду с видом на море. С веранды можно было пройти меж кокосовых пальм, даривших тень и прохладу жильцам дома. Далее ваш взгляд скользил по поверхности океана и терялся на горизонте, где океан сливался с ясным сияющим небом.

Поздоровавшись с гостем и обменявшись с ним несколькими учтивыми словами, Мигел и Изаура, догадываясь, что молодые люди желали бы остаться наедине, тактично удалились во внутренние комнаты дома.

— Действительно, Алваро,— сказал, улыбаясь, доктор,— это прелестное жилище, и я не удивлен, что тебе нравится проводить здесь большую часть твоего времени. Он даже похож на таинственный грот феи. Жаль, что проклятый колдун внезапно развеял очарование твоей феи, превратив ее в простую рабыню.

— Ах, не шутите так, мой дорогой доктор. Эта отвратительная сцена потрясла меня. Однако, признаюсь откровенно, ни на секунду не изменила природу моих чувств к этой женщине.

— Что ты говоришь?.. Твоя эксцентричность уже достигла такой степени?

— Что же поделаешь? Таким я родился. В первые мгновения стыд и даже бешенство ослепляли меня. Я почти что с удовольствием наблюдал ее неподдельный испуг. Какое грустное и оскорбительное разочарование! В одно мгновение я увидел, как рушится и превращается в груду камней роскошный замок, с такой любовью возведенный моим вообра-

свое право на свободу. Ее бывшая хозяйка, мать нынешнего господина, вырастившая и давшая ей великолепное образование, говорила при свидетелях, что в случае своей смерти завещает девушке свободу. Внезапная смерть сеньоры, не успевшей оставить завещания, причина того, что Изаура еще находится в когтях своего распутного и недостойного господина.

— И что же ты собираешься делать?

— Собираюсь добиваться свободы для Изауры и назначения опекуна для защиты ее прав.

— И где ты собираешься получить доказательства или документы, подтверждающие твою правоту?

— Не знаю, Жералдо. Я хотел бы посоветоваться с тобой, именно поэтому я с нетерпением ждал твоего возвращения. Помоги мне в этом правом деле своими юридическими познаниями. Я уже воспользовался первым и самым очевидным для меня способом, и сразу же, на следующий день после бала написал владельцу Изауры в самых умеренных и убедительных выражениях, какие только нашел, предлагая ему назначить цену за ее свободу. Но дело только осложнилось: похотливый и ревнивый раджа пришел в бешенство и прислал мне в ответ вызывающее письмо, которое я только что получил. В этом письме он называет меня соблазнителем и укрывателем чужих рабынь и торжественно обещает прибегнуть к закону, чтобы вернуть невольницу в свой дом.

— Весьма глуп и невежлив этот султанишка,— сказал Жералдо, бегло прочитав показанное ему другом письмо,— хотя, если не обращать внимания на его наглый тон, к сожалению, он прав...

— За этот тон он должен дать мне полное и исчерпывающее удовлетворение, на чем я настаиваю.

— Несмотря на его наглость, мы вынуждены признать, что он обладает неоспоримым правом требовать назад и арестовать свою рабыню, где бы она ни находилась, если ты не можешь представить никаких законных аргументов в защиту твоей протеже.

— Это позорное и жестокое право, мой дорогой Жералдо. Насмешка называть правом варварский свод законов, против которых во весь голос протестуют цивилизация, мораль и религия. Терпеть общество, где разнузданный и тираничный господин, одержимый постыдными желаниями, имеет право мучить хрупкое и невинное создание только потому, что ей выпало несчастье родиться рабыней, это верх злодейства и гнусности.

— Не совсем так, мой дорогой Алваро. Эти злоупотребления и подлости должны пресекаться, но как может правосудие или государственная власть проникать в пределы семейного очага и вмешиваться в частную жизнь гражданина? Каких только отвратительных и порочных тайн, порождаемых рабством, ни существует на этих плантациях и в поместьях. Я уже не говорю о правосудии, даже соседи не могут подозревать о всех мерзостях... Пока будет существовать рабовладение, будут и такие примеры. Несовершенное законодательство порождает бесконечное количество злоупотреблений, которые можно уничтожить только вырвав зло с корнем.

— К несчастью, это так. Если общество не может защитить эти жертвы от произвола палачей, то, поверь мне, в мире еще есть благородные души, берущие на себя обязанность защитить или отомстить за обиженных. Что касается меня, Жералдо, то я торжественно обещаю, пока в моей груди бьется сердце, я буду всеми силами бороться за свободу Изауры и надеюсь, что бог будет на моей стороне в этом справедливом и святом деле.

ворота событий, способных уничтожить нас. Кто не соблюдает условности или социальных предрассудков, тот рискует впасть в немилость и быть смешным.

— Рабство как таковое уже возмутительно, это отвратительная язва на лице нации, терпящей и охраняющей ее. В свою очередь, я не вижу никаких причин, чтобы до такой степени уважать абсурдные предрассудки, позорящие нас в глазах всего цивилизованного мира. Пусть я буду в числе первых, подавая этот благородный пример, но у меня, конечно, будут последователи. Пусть это будет, по крайней мере, энергичный и честный протест против варварского, постыдного законодательства.

— Ты богат, Алваро, а богатство даст тебе определенную свободу для удовлетворения твоих филантропических замыслов и капризов твоего романтического воображения. Но как бы велико ни было твое состояние, оно не может исправить предрассудков света и не заставит уважать или хотя бы принять в высшее общество рабыню, с которой, судя по всему, ты собираешься связать свою судьбу.

— Какое мне дело до высшего света, если к нам будут благосклонны здравомыслящие люди с добрыми сердцами? Но главное, ты ошибаешься самым роковым образом, мой Жералдо. Мир всегда угодничает перед богатством, ведь так было всегда и везде. Золото обладает таким качеством, которое без труда затмевает и делает абсолютно невидимыми любые родимые пятна. Я уверен, что уважение и почтение в обществе будут тогда, когда у меня будет туго набитый деньгами кошелек.

— Но, Алваро, ты забываешь об одной очень важной вещи: а если тебе не удастся добиться свободы для твоей протеже?

При этом вопросе Алваро побледнел и, подавленный такой жестокой, но, к сожалению, возможной перспективой, не ответив ни слова, с тоской устремил свой взор к горизонту. В это время его форейтор, ожидавший с коляской у калитки сада, пришел доложить, что какие-то люди спрашивают господина, желая говорить с ним или с хозяином дома.

— Меня? — сквозь зубы процедил Алваро,— разве я у себя дома? Но, раз они спрашивают и хозяина... впусти их.

— Алваро,— сказал Жералдо, выглядывая в окно,— если я не ошибаюсь, это из полиции. Мне кажется, я вижу среди них судебного исполнителя. Нам предстоит еще одна сцена, такая же, как на балу.

— Этого нельзя допустить! По какому праву смеют они беспокоить меня в этом доме, доверенном мне самой полицией!

— Не уповай на это. Фемида — очень непостоянное и весьма изобретательное божество. Сегодня оно рушит то, что сотворило вчера...

Глава 16

После неудавшейся попытки арестовать Изауру на балу, Мартиньо написал ее хозяину подробное письмо, в котором сообщал, что ему удалось обнаружить разыскиваемую сеньором рабыню.

Он обстоятельно описал проведенное им расследование до того самого момента, когда обнаружил ее на публичном балу. Мартиньо превозносил свои сыскные способности и проницательность, утверждая, что

— Помолчите, сеньор Мартиньо! Мне кажется вы не имеете права по своему усмотрению распоряжаться судьбами людей. Вам хорошо известно, что я поверенное лицо этой рабыни, и она находится под моим покровительством в рамках закона и с согласия властей.

— Вашим полномочиям пришел конец, если только можно назвать законным ваше самоуправство. К тому же вы, сеньор, не представили никаких доказательств в защиту этой беглой рабыни. И, кроме того,— продолжал Мартиньо, показывая бумагу,— вот окончательный приказ начальника полиции выдать упомянутую рабыню. Этому нельзя препятствовать, не нарушив закона.

— Как я вижу, сеньор Мартиньо,— сказал Алваро, быстро просматривая бумагу, врученную ему Мартиньо,— вы еще не отказались от своего недостойного замысла, став за мизерную сумму послушным орудием палача несчастной женщины. Подумайте, и вы поймете, что эти низкие действия могут лишь вызвать всеобщее отвращение к вам.

Ощущая поддержку полиции, Мартиньо посчитал возможным казаться суровым и надменным, поэтому он ответил с невозмутимым хладнокровием:

— Сеньор Алваро, я пришел в этот дом только для того, чтобы именем закона потребовать выдачи беглой рабыни, укрывающейся здесь, а не затем, чтобы выслушивать обвинения, которые вы не имеете права выдвигать против меня. Потрудитесь исполнить то, что предписывает вам закон и диктует здравый смысл, если не хотите, чтобы я воспользовался моим правом...

— Каким правом?

— Обыскать этот дом и забрать рабыню силой.

— Пошел вон, жалкий шпион,— с негодованием воскликнул Алваро, не в силах больше сдерживать свой гнев.— Прочь с моих глаз, если не хочешь дорого заплатить за свою наглость!

— Сеньор Алваро!.. Подумайте, что вы делаете!

Доктор Жералдо, понимавший всю опрометчивость поведения своего друга, до этого момента из осторожности сохранявший молчание, увидев, что гнев и безрассудство Алваро переходят всякие границы, посчитал своим полным долгом вмешаться. Приблизившись к нему, он взял его за руку и тихо сказал:

— Что ты делаешь, Алваро? Разве ты не понимаешь, что излишней горячностью ты можешь скомпрометировать себя и лишь осложнить положение Изауры? Осторожнее, друг мой.

— Но... что мне делать? Скажи.

— Выдать ее.

— Никогда! — с отчаянием воскликнул Алваро.

Несколько мгновений все хранили молчание. Казалось, Алваро размышлял.

— Я вспомнил еще об одном средстве,— шепнул он Жералдо.— Попробую его.

И, не дождавшись ответа, подошел к Мартиньо.

— Я убежден, сеньор Мартиньо,— тихо сказал ему Алваро, отводя его в сторону,— что вознаграждение в пять тысяч рейсов является основным мотивом, заставляющим вас действовать таким образом против несчастной, ничем вас не обидевшей женщины. Я понимаю, что вы не можете пренебрегать такой скромной суммой. Но если пожелаете полностью отказаться от этого предприятия, оставив в покое эту рабыню, я дам вам вдвое больше.

— Нет, я не могу здесь долго задерживаться. Жду вас у себя дома, где я и вручу вам обещанную сумму.

— Можете идти,— сказал Мартиньо судебному исполнителю и полицейским, стоявшим у калитки сада.— Нет больше необходимости в вашем присутствии! Нет сомнения,— продолжал он про себя,— ставки удваиваются, как в ландскнэ. Эта рабыня — золотая жила и, как мне кажется, еще не иссякшая,— и он удалился, удовлетворенно потирая руки.

— Ну, что же ты ему предложил, дорогой Алваро? — спросил Жералдо, едва Мартиньо вышел из комнаты.

— Деньги,— ответил Алваро,— и мое предложение превзошло все ожидания.

Алваро вкратце рассказал своему другу о сделке, заключенной с Мартиньо.

— Какой презренный и страшный человек этот Мартиньо! — воскликнул Жералдо.— Можно ли ему доверять? И ты думаешь, Алваро, что, поступив таким образом, ты добился успеха?

— Не многого, однако кое-чего я все же смог добиться. По крайней мере, мне удалось на некоторое время отсрочить удар и, как говорится, дорогой Жералдо, пока плеть взлетает — спина отдыхает. Надеюсь, что Леонсио, убежденный в том, что его рабыни нет в Ресифе, будет искать ее по всей стране, а она тем временем поживет здесь, под моим покровительством, защищенная от преследователей и дурного обхождения жестокого хозяина. А у меня будет время найти средства и собрать доказательства и документы для обоснования ее права на свободу. Пока что мне этого достаточно, что же касается остального, раз уж ты считаешь мое дело совершенно безнадежным, божественное провидение научит меня, как поступить.

— Как ты ошибаешься, мой бедный Алваро! Думаешь, что, устранив Мартиньо, ты хоть на время избавил ее от преследований владельца? Меня поражает твоя недальновидность! В доносчиках, падких на легкую добычу, которые за пять тысяч рейсов — а для этих негодяев это баснословная сумма — пустятся на розыски беглой рабыни, поверь, недостатка не будет. Особенно сейчас, когда Мартиньо поднял переполох, и это дело получило широкую огласку. Вместо одного появится сто Мартиньо, преследующих прекрасную беглянку, каждый из них, не задумываясь, последует его примеру.

— А меня поражает твоя мнительность, Жералдо! Ты всегда видишь все в мрачных красках. Вполне возможно, что ложь, изобретенная Мартиньо, возымеет свое действие, и никто больше не вздумает заподозрить в Изауре ту беглую рабыню. А если мой план удастся, мне будет безразлично, сколько ищеек пустятся за ней по свету. В любом случае я получаю отсрочку, что мне сейчас очень выгодно.

— Ну, хорошо, Алваро, действуй, раз уж так случилось. Но, по-моему, подобное поведение недостойно тебя. Этим поступком ты оправдываешь те оскорбительные эпитеты, которыми наградил тебя Леонсио в письме. Ведь ты в самом деле начинаешь исполнять роль соблазнителя и укрывателя чужих рабынь.

— Прости меня, дорогой Жералдо. Я не могу согласиться с тобой. Это необычный случай, ведь мы с Изаурой оказались в совершенно исключительных обстоятельствах. Я не соблазняю и не скрываю чужую рабыню, я защищаю ангела и спасаю невинную жертву от преследований палача. Мотивы, что движут мной, и качества человека, ради которого

— Не могу забыть. Видения того вечера — укор моей совести. Горе — плохой советчик, оно приводит в замешательство и омрачает разум. Я вас любила, люблю и буду любить вечно. Простите мне это признание. Это, конечно, дерзко звучит в устах рабыни.

— Говори, Изаура, говори всегда, что любишь меня. Если бы я мог всегда слышать от тебя эти слова.

— Теперь можно сказать, что это была грустная любовь, любовь рабыни, любовь без будущего и надежд. Но я испытала счастье быть любимой сеньором, и это возвысило меня в собственных глазах. Ваша любовь облагораживала мое существование и заставляла меня забыть мое униженное положение. Я боялась, что, открыв вам правду, лишусь навсегда вашей благосклонности, такой отрадной для моей души. Простите, мой господин, простите несчастную рабыню, имевшую безумную смелость полюбить вас.

— Изаура, оставь свои сомнения, не надо так унижаться. Эти речи не для твоих уст. Ты любишь меня, и я люблю тебя, потому что нахожу тебя достойной моей любви, чего же еще ты хочешь? Ведь я полюбил тебя, не ведая о тайне твоего рождения. Я полюбил тебя, покоренный твоим природным очарованием, когда же я узнал, какой тяжелый груз несчастий и страданий ты безропотно несешь в сердце, я почувствовал, что боготворю тебя, преклоняюсь перед величием твоей души.

— Вы любите меня, и эта мысль еще больше меня мучит! Зачем вам эта любовь, если мне не выпало счастья быть вашей рабыней, и я неизбежно должна умереть в руках моего палача...

— Никогда, Изаура! — воскликнул Алваро, приходя в необычайное возбуждение.— Мое счастье, спокойствие, жизнь, я всем пожертвую, чтобы освободить тебя из лап этого гнусного тирана. Если земное правосудие не поможет мне в этом благородном и великодушном предприятии, моими руками свершится небесный суд!

— О! Сеньор Алваро! Не жертвуйте собой ради бедной рабыни, недостойной ваших забот. Предоставьте меня моей жестокой судьбе. Я уже счастлива тем, что заслужила любовь такого благородного и любезного кавалера, как вы. Это воспоминание всегда будет поддерживать меня и вечно будет мне утешением в моих несчастьях. Но я не могу допустить, чтобы вы так унижали свое имя и пятнали репутацию, открыто демонстрируя свою пылкую любовь к рабыне.

— Сжалься, Изаура, не мучь меня больше, произнося это проклятое слово. Зачем оно не сходит с твоих уст! Рабыня, ты!.. Нет, ты не рабыня, никогда ей не была и никогда не будешь. Разве может тирания одного человека или целого общества сделать рабским существом и обречь на угнетение ту, что бог сотворил ангелом, достойным всеобщего уважения и поклонения? Нет, Изаура, я сумею возвести тебя на достойное, небом предназначенное тебе место. В этом я надеюсь на защиту справедливого господа нашего, так как хлопочу об одном из его ангелов.

Даже после бала, где он узнал, что Изаура всего лишь рабыня, Алваро не перестал обращаться с ней с уважением, почтением и деликатностью, как с девственницей, занимающей самое высокое положение в аристократическом обществе. Он был человеком чести, главными для которого были благородство души и утонченность чувств. Целомудрие, невинность, талант, добродетели и несчастья всегда были для него святыми и достойными уважения, при этом ему было безразлично, о ком шла речь — о принцессе или о рабыне.

чину, вставшего у него перед глазами неумолимым и грозным призраком князя тьмы, готовясь вцепиться в жертву, чтобы увлечь ее в ад. Холодный пот выступил у него на лбу, и жгучая тоска пронзила сердце.

— Это он!.. Этот палач! Ах, бедная Изаура! — скорбным эхом отозвалось в его охваченной леденящим отчаянием душе.

Глава 18

Внезапное появление Леонсио в Ресифе и даже в доме, где скрывались беглецы, удивило, наверняка, нашего читателя не меньше, чем Алваро.

Следовательно, чтобы вы не подумали, что случилось какое-то невероятное чудо, необходимо объяснить, как это произошло.

Даже написав и отправив почтой два известных вам письма — одно адресованное Алваро, другое — Мартиньо, Леонсио не успокоился. В его сердце поселилась отчаянная ревность. Известие о том, что Изаура находится во власти красивого и богатого юноши, безумно любящего ее, было для него невыносимой мукой, своего рода огнем, постепенно снедавшим его душу и заставлявшим его метаться в отчаянии и тоске, все более разжигая в нем яростную страсть, которой он пылал к своей рабыне. Он гостил в столице, когда получил известие об Изауре, и немедленно отправился в Ресифе, чтобы быть в центре событий и предпринять срочные и энергичные меры для ее возвращения. Написав и отправив письма накануне отплытия утреннего парохода, остаток дня он провел в задумчивости. Мучительное беспокойство, охватившее его, и нетерпение не могли позволить ему дождаться ответа на письма. В ту пору едва была открыта навигация вдоль берегов Бразилии, а пароходы ходили гораздо медленнее и реже, чем сегодня. Кроме того, он вспомнил народную мудрость: на бога надейся, а сам не плошай. Он не мог положиться на усердие и добрую волю незнакомых ему людей, которые, пожалуй, не сумеют успешно бороться с влиянием Алваро, представленного ему в доносе Мартиньо важной персоной в обществе. Ревность и месть не любят доверять чужому глазу и предпочитают действовать собственноручно.

— Мне надо самому поехать,— подумал Леонсио и, приняв это решение, отправился к министру юстиции, который был ему приятелем. Он попросил у него рекомендательное письмо, что означало приказ начальнику полиции Пернамбуко оказывать подателю его энергичное воздействие в поиске и задержании беглой рабыни. Кроме того, Леонсио заранее запасся исполнительным листом и ордером на арест Мигела, против которого возбудил уголовное дело, объявив его похитителем и укрывателем своей рабыни. Злодей предусмотрел все, чтобы осуществить свою месть.

На следующий день Леонсио отправился на север на том же пароходе, который вез его письма. Однако они попали к адресатам несколькими часами раньше, чем их автор ступил на землю Ресифе.

Как только Леонсио сошел на берег, он отправился к начальнику полиции и, вручив письмо министра, сообщил ему о своих требованиях.

— Должен уведомить вас, сеньор Леонсио,— ответил ему начальник,— что немногим более двух часов назад отсюда вышел человек, уполномо-

Леонсио, захлебываясь от ярости и ревности и пользуясь выгодами своего положения, решил отомстить сопернику не с благородством дворянина, а с присущей ему подлостью:

— Мне известно, что вы, сеньор,— сказал Леонсио в продолжение диалога, прерванного нами в предыдущей главе,— уже давно удерживаете эту рабыню в своей власти, нарушая законы, вводя власти в заблуждение ложными свидетельствами, которые вы сами не в состоянии доказать. Однако я сам приехал с тем, чтобы отстоять свои права и расстроить ваши низкие планы.

— Вы неправы, сеньор. Я защищал и открыто защищаю рабыню от насилия хозяина-палача, вот и все.

— Вот как! Ну, теперь я буду знать, что всякий может похитить раба под предлогом его защиты. Кто может законно следить за обращением с рабами? Оказывается, кто угодно, только не хозяин!

— Ваша милость изволит насмехаться, я же заявляю вам, что не имею намерений ни насмехаться, ни выслушивать ваших насмешек. Признаюсь вам, что очень хотел бы освободить эту рабыню, потому что желаю собственного счастья и готов сделать для этого все возможное и даже невозможное. Я уже предлагал вам деньги и снова предлагаю их. Я заплачу сколько угодно... Дам вам целое состояние за эту рабыню. Назовите сумму.

— Эта рабыня бесценна. Даже за все золото мира я не буду продавать ее.

— Но это варварский каприз, безнравственная жестокость...

— Пусть каприз, если вам так угодно, разве я не вправе иметь капризы, не посягая при этом на чужое имущество? Разве не каприз с вашей стороны заполучить ее? Но ваш каприз посягает на мои права, а этого я не могу допустить.

— Но мой каприз благороден и милосерден, а ваш — тирания, если не сказать низость. Вы, уважаемый сеньор, омрачаете ее жизнь несмываемым позором, удерживая ее в рабстве, оскорбляете неуважением память вашей матушки, которая с такой нежностью вырастила и прекрасно воспитала эту рабыню, сделав ее достойной свободы. Более того, она намеревалась подарить ей свободу, но не для того, чтобы ублажать капризы вашей милости. И конечно там, на небесах, она проклинает вас, и вся Вселенная присоединяется к ее проклятию, обличая того, кто держит в самой постыдной неволе творение, полное добродетели, талантов и красоты.

— Довольно, сеньор! Теперь я буду знать, что рабыня имеет право быть свободной уже потому, что красива и талантлива. Так знайте и вы, велеречивый сеньор, что если моя матушка вырастила эту девчонку не для того, чтобы удовлетворять мои капризы, то тем более не для того, чтобы удовлетворять ваши, вас она никогда не знала. Сеньор Алварес, если желаете иметь любовницей какую-нибудь рабыню, поищите себе другую, купите ее, что же касается этой, оставьте всякую надежду.

— Сеньор Леонсио, вы, кажется, забыли, где вы и с кем говорите. Вы думаете, что говорите с управляющим или рабом в своем поместье. Требую, чтобы вы сменили тон!

— Довольно, сеньор. Оставим напрасные споры. Я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши проповеди. Единственное, что я хочу, так это вернуть рабыню. И не вынуждайте меня воспользоваться своим правом и забрать ее силой.

Алваро, обезумевший от этих грубых и жестоких оскорблений, потерял всякую осторожность и хладнокровие.

— Как сделано?!
— Рабыня возвращена ее господину.
— Возвращена? Но это невозможно!
— Однако это суровая правда, если желаете узнать подробности, идите в полицию и наведите там справки.
— А мои десять тысяч?
— Думаю, что мне теперь не за что давать их вам.
Мартиньо издал отчаянный вопль и выбежал из дома Алваро с такой поспешностью, что, казалось, он скатился вниз по ступеням.
Описать жалкое состояние, в котором оказалась эта презренная личность — предприятие, за которое я не берусь. Пусть читатели сами вообразят себе эту тягостную картину.
Голодный пес, обманутый призрачной тенью, выпустил кусок мяса и остался без добычи.

Глава 19

— Посмотри, что ты делаешь, Роза. Ты и вправду легкомысленна и ни к чему не пригодна. Лишнее доказательство того, что ты не рождена для гостиной, твое место на кухне.
— Вы только посмотрите, какая важная персона собирается учить меня порядку! Кто тебя сюда звал, зануда? Твое место не здесь, а на конюшне. Иди, учи там лошадей, Андрэ, и не лезь в дела, которые тебя не касаются.
— Помалкивай, дурочка,— ответил Андрэ, переставляя стулья.— Только и умеешь, что языком молоть. Эти стулья стоят не здесь... Посмотри на эти вазы! А ты еще не протерла зеркала! Вот лентяйка! При Изауре все сияло чистотой. Приятно было зайти в гостиную. А теперь вот что. Ясно, тебе этого не дано.
— Ее ты вспомнил кстати! — откликнулась Роза, чрезвычайно раздосадованная этим разговором.— Если соскучился по Изауре, иди, вытащи ее из подвала, где она теперь живет. Уж там-то нечего украшать цветами.
— Заткнись, Роза. Смотри, ты ведь тоже можешь там оказаться.
— Никогда. Я ведь не убегаю.
— Потому что не с кем. А если бы тебе посчастливилось, ты убежала бы даже с чертом. Бедная Изаура! Такая добрая, такая ласковая девушка, а с ней обращаются как с негритянкой с кухни! Неужели у тебя нет ни капли жалости к ней, Роза?
— Жалко? Это еще почему? Кто ее заставлял убегать?
— Знаешь, Роза, я готов взять на себя половину ее наказания, только бы быть с ней вместе, понятно?
— Ну, это очень просто, Андрэ. Надо только сделать то же, что сделала она. Отправляйся, как она, проветриться в Пернамбуко, и непременно окажешься в компании Изауры.
— Теперь что говорить! Если бы я знал, что меня схватят вместе с ней, я бы убежал. Но, черт возьми, несчастная Изаура теперь оставит нас навсегда. Ее будет очень не хватать в этом доме.
— Как это — оставит?

этого недостаточно жесток, но, зная беспредельную добродетельность Изауры, он понял, что такими средствами смог бы только убить ее, а смерть не удовлетворяла ни чувственность, ни мстительность злодея. Поэтому он задумал новый план не только для того, чтобы растоптать то чувство, которое он называл гордостью рабыни, но и для того, чтобы лишить надежды и посмеяться над великодушными намерениями Алваро, самозабвенно отомстив им обоим.

Кроме всего прочего, Леонсио считал совершенно необходимым для себя помириться с Малвиной не потому, что на это его толкали соображения чести и морали или супружеская привязанность, а только из корыстных побуждений, о которых читателю скоро станет известно. Так вот, с этой целью Леонсио отправился в столицу и встретился с Малвиной.

Обладая от природы дурными качествами, он с ловкостью самого отъявленного мошенника использовал для достижения своей цели ложь и клевету. Появившись перед ней пристыженным и раскаявшимся в своем поступке, он поклялся загладить вину своим поведением, простившись с прошлым навсегда. Он откровенно признался, с ангельским простодушием, что какое-то время действительно был очарован прелестями Изауры, но что это было всего лишь мимолетное увлечение, исчезнувшее теперь бесследно в его душе.

Кроме того, он, прибегнув к клевете, очернил бедную Изауру, Уверяя, что будучи изощренной кокеткой, она использовала самые ловкие и коварные притворства, чтобы соблазнить и влюбить его в себя, намереваясь получить свободу в обмен на свои услуги, он придумал тысячу других небылиц, в результате чего заставил Малвину поверить, что Изаура бежала из дома, соблазненная неким поклонником, который в тайне от них давно волочился за ней, что именно он дал ее отцу средства для выкупа рабыни, но, когда этот план не удался, они договорились и осуществили ее похищение. Когда же беглецы приехали в Ресифе, некий молодой человек, столь же богатый, сколь сумасбродный и глупый, влюбившись, отнял ее у первого любовника. А Изаура, притворившись свободной сеньорой, до такой степени привязала и одурачила его, что бедный юноша готов был жениться на ней. Даже после того, как он узнал, что она невольница, юноша не хотел оставить ее и, устраивая скандалы и изобретая всякие хитрости, был готов на все, чтобы освободить ее. Поэтому Леонсио и ездил в Ресифе, чтобы вырвать рабыню из рук этого молодого человека.

Будучи наивной и доверчивой, обладая нежной душой, готовая простить супруга, Малвина полностью поверила всему, что Леонсио выдумал. А тот не просто хотел загладить свои прошлые грехи, но и стремился подготовить заранее предстоящие действия, которые он уже коварно замышлял.

Оскорбленная супруга, Малвина рассердилась на Изауру, застав когда-то своего мужа признающимся ей в любви. Но затаенная обида Малвины постепенно утихла и рассеялась бы совсем, если бы Леонсио не прибегнул ко лжи, приписав рабыне самое недостойное поведение. С этого момента Малвина испытывала к Изауре не ненависть, а некоторое отчуждение и пренебрежение с долей сострадания, как ко всякой другой дерзкой и непослушной рабыне.

Леонсио этого было вполне достаточно, чтобы сделать свою жену единомышленницей и соучастницей наказания и мести, которые он замышлял против несчастной рабыни. Он прекрасно понимал, что Малвина, с ее мягкой и сострадательной душой, никогда не согласилась бы на

онсио был богат, дружил с министрами и имел большое влияние, ему нетрудно было добиться этих беззаконий со стороны местных властей.

Отчаявшись сломить сопротивление бедной Изауры, Леонсио изменил план мести и лично отправился к Мигелу.

— Сеньор Мигел,— обратился он к нему, изобразив оскорбленного,— я сочувствую вам и вашей дочери, несмотря на беспокойства и убытки, которые вы мне причинили. Я пришел, чтобы предложить вам покончить раз и навсегда с обидами, интригами и раздорами, которые ваша дочь внесла в мой дом и мою жизнь.

— Я готов на любые условия, сеньор Леонсио,— почтительно ответил Мигел,— если только они будут разумны и честны.

— Нет ничего более разумного и справедливого. Я хочу выдать вашу дочь замуж за порядочного человека и подарить ей свободу. Однако для этого нуждаюсь в вашем содействии.

— Так скажите, чем я могу быть вам полезен.

— Я знаю, что Изаура будет испытывать некоторое отвращение к человеку, за которого я собираюсь ее выдать. Это из-за вздорной и нелепой страсти, которую она, кажется, еще питает к тому юнцу из Пернамбуко, который вбил ей в голову разные фантазии и обнадежил ее взбалмошными обещаниями и легкомысленными клятвами.

— Думаю, что она вспоминает этого молодого человека лишь из признательности...

— Какая там признательность! Вы, сударь, думаете, что он до сих пор придает большое значение этой страстишке? Он о ней беспокоится ровно столько, сколько о своих старых туфлях. Это каприз ошеломленного воображения, причуда богатого ветреника. Вот доказательства, почитайте это письмо... Негодяй имеет наглость писать мне, как будто между нами ничего не произошло, словно мой старый приятель, и сообщает мне, что женился! Как вам это нравится? Как будто мне интересно, что он женился! Но это еще не все, пользуясь случаем, он просит меня с исключительным бесстыдством, чтобы я в любое время, когда захочу избавиться от Изауры, обязательно известил его, так как он очень желал бы приобрести ее в качестве служанки для своей супруги. До какой степени может дойти цинизм и бесстыдство!

— Действительно, сеньор! С трудом верится. Это совершенно не похоже на сеньора Алваро.

— Можете убедиться своими собственными глазами. Читайте. Вам знаком этот почерк?

Сказав это, Леонсио подал Мигелу письмо, написанное почерком в совершенстве похожим на почерк Алваро.

— Это его почерк, нет сомнений, сказал Мигел, пораженный прочитанным.— В этом мире случаются низости, недоступные пониманию.

— А также жестокие уроки, которыми не следует пренебрегать, разве не так, сеньор Мигел?.. Ну хорошо, оставьте у себя это письмо, покажите его дочери. Пусть она узнает обо всем, чтобы больше не рассчитывать на этого человека и вычеркнуть из памяти его образ, в котором она ждет своего спасителя. Сделайте также, сударь, все от вас зависящее, чтобы подготовить дочь к замужеству, совершенно очевидно весьма выгодному. А я не только прощу вам все, что вы мне должны, но и возвращу то, что вы мне уже выплатили. Тогда вы сможете начать свое дело здесь, в Кампусе и спокойно прожить остаток дней вместе с дочерью и зятем.

— Но кто этот зять? Вы мне еще не сказали.

— Правда?.. Я запамятовал. Это — Белшиор, мой садовник. Вы его знаете?

— Ты преувеличиваешь! Успокой свое истерзанное страданиями воображение. Время вылечит все. Терпение и покорность помогут тебе привыкнуть к новой жизни, несомненно гораздо более сносной, чем этот ад заточения. Судьба сжалится над нами и пошлет если не счастливые, то, по крайней мере, спокойные дни, если ты согласишься.

— Я могу обрести спокойствие только в могиле, отец. Кроме двух предоставленных мне на выбор пыток, я вижу еще один путь, вызывающий у меня утешительные мысли, хотя это крайнее средство, которое господь дает несчастным, оказавшимся в безысходном положении.

— Ты, конечно, говоришь о смирении, дочка?

— Ах, отец! Когда смирение невозможно, остается только смерть...

— Замолчи, дочь! Не богохульствуй, не говори безумных слов. Ты нужна мне живая, я так хочу. Неужели ты покинешь своего отца, оставив на произвол судьбы беспомощного и нищего старика? Что будет со мной в плачевном положении, в котором ты бросаешь меня?..

— Простите меня, мой добрый, мой любящий отец. Только в крайнем случае я прибегну к этому средству. Я знаю, что должна жить для моего отца и хочу этого, но почему я должна выходить замуж за урода?! О! Это выше моих сил! Пусть меня держат в самой жестокой неволе, заставляют работать в поле с мотыгой в руках, босую, одетую в рубище, пусть меня наказывают, обращаются как с самой последней рабыней, но из сострадания пощадите меня, отец, избавьте от этой постыдной жертвы!

— Белшиор не так уродлив, как тебе кажется. Кроме того, со временем ты привыкнешь к нему. Ты давно не видела его, последнее время он изменился к лучшему, он еще достаточно молод. Теперь ты его не узнаешь, у него уже не такая неприятная внешность, его манеры стали менее грубы. Соберись с духом, дочка, когда ты выйдешь из этой страшной темницы, воздух свободы вернет тебе радость и спокойствие, и даже с предназначенным тебе мужем ты сможешь жить счастливо...

— Счастливо! — воскликнула Изаура с горькой усмешкой.— Зачем вы говорите мне о счастье, отец? Если бы мое сердце, по крайней мере, было свободно, как раньше... Если бы я никого не любила! О! Нет нужды, чтобы он любил меня, нет. Для меня было бы неземным счастьем, если бы он пожелал владеть мной даже как рабыней. Этот ангел доброты, напрасно предпринявший свои усилия, великодушно спасая меня из пучины рабства. И я была бы тогда счастливее во сто крат, чем став женой этого жалкого человека, за которого меня хотят выдать. Но горе мне! Могу ли я еще думать о нем? Станет ли он, знатный и богатый сеньор, вспоминать бедную и несчастную рабыню?

— Ах, дочка, не думай больше об этом человеке, выбрось его из головы, откажись от этой сумасшедшей любви, советую тебе и прошу тебя об этом.

— Почему, отец? Как могу я отплатить такой неблагодарностью этому благородному человеку?

— Но ты больше не можешь рассчитывать на него и на его любовь.

— Почему? Разве он забыл меня?

— Твое жалкое положение не позволяет тебе любить столь высокопоставленного сеньора, между вами пропасть. Его любовь к тебе всего лишь мимолетный каприз, прихоть господина. Мне очень тяжело говорить тебе это, Изаура, но это, к сожалению, правда.

— Ах, отец, что ты говоришь? Если бы ты знал, как мне больно

В этом достойном сожаления положении Изаура являла собой скульптору прекрасную модель античной Ниобеи.

— Это Изаура! О, боже мой! Бедняжка! — прошептала Малвина, увидев ее, и вытерла слезы, невольно набежавшие на глаза. Она была готова молить своего мужа о снисхождении к несчастной, но, вспомнив о порочных наклонностях и дурном поведении, которые Леонсио вероломно приписал Изауре, решила вооружиться безразличием.

— Итак, Изаура,— мягко сказала Малвина,— ты уже решилась? Намерена ли ты выйти замуж за человека, которого мы предназначаем тебе в супруги?

В ответ Изаура лишь наклонила голову и потупила взор.

— Да, сеньора,— ответил за нее Мигел.— Изаура согласна подчиниться вашей воле.

— Очень хорошо. Невозможно, чтобы она и дальше сносила это жестокое обращение, которого я не могу допустить, пока я живу в этом доме. Не для того покойная сеньора воспитала ее с такой нежностью и дала ей хорошее образование. Изаура, несмотря на твое падение, я все еще хорошо отношусь к тебе и больше не допущу подобного бесчинства. Мы дарим тебе одновременно свободу и превосходного мужа.

— Превосходного! Бог мой! Какая издевка,— подумала Изаура.

— Белшиор очень хороший человек, безобидный, спокойный и работящий. Думаю, ты прекрасно поладишь с ним. Мне кажется, чтобы получить свободу, можно пойти на любую жертву, правда, Изаура?

— Конечно, сеньора. Раз вы этого хотите, я покорно принимаю эту участь. Меня извлекают из подземелья,— подумала про себя Изаура,— чтобы отправить на казнь.

— Очень хорошо, Изаура. Ты доказываешь, что послушна и разумна. Андрэ, пойди позови сюда сеньора Белшиора. Я хочу иметь удовольствие лично объявить ему, что, наконец, его мечта осуществится, которую он лелеял многие годы. Думаю, сеньор Мигел тоже удовлетворен тем, как складывается жизнь его дочери. Согласитесь, что это прекрасно! Освободиться из неволи и выйти замуж за белого и свободного человека. Это намного лучше, чем бежать и скрываться от преследований. Изаура, в доказательство моего к тебе доброго отношения, я буду посаженной матерью на твоей свадьбе, которая положит конец твоим страданиям и вернет в этот дом мир и покой, давно покинувшие его.

Сказав это, Малвина открыла шкатулку с драгоценностями, стоявшую на столе, достала дорогое золотое ожерелье и застегнула его на шее Изауры.

— Прими это, Изаура,— сказал она,— это мой свадебный подарок.

— Благодарю вас, моя добрая госпожа,— молвила Изаура, а в душе добавила,— это веревка, которую палач набрасывает на шею жертвы.

В это время в сопровождении Андрэ вошел Белшиор.

— Я здесь, моя госпожа,— сказал он,— что вам угодно от вашего верного слуги?

— Поздравляю вас, сеньор Белшиор,— ответила Малвина.

— Поздравляете?.. Но с чем же?

— Я скажу вам. Знайте, что Изаура будет свободна и... догадываетесь...

— И, конечно, она уедет... О! Какое несчастье!

— Ах, боже мой, вы плохой провидец. Изаура согласна стать вашей женой.

— Что вы говорите, госпожа!.. Простите, я не верю своим ушам! Ваша милость изволит смеяться надо мной.

составить законный документ об освобождении Изауры, и священник, чтобы обвенчать молодых. Как видишь, я ничего не забыл. Надеюсь, они не опоздают, а ты, Малвина, распорядись, чтобы убрали церковь подобающим образом для венчания, которого ты, кажется, желаешь с большим пылом,— прибавил он с усмешкой,— чем когда-то своего собственного.

Малвина вышла из гостиной, оставив Леонсио в компании еще не известного нам лица по имени Жорже, тоже находившегося там. Сказать, что это был бездельник, значило ничего не сказать о нем.

Этот род людей имеет много разновидностей, а каждая особь — свой особенный цвет и форму. Этот был видным мужчиной, остроумным, обладал хорошими манерами, то есть имел целый букет качеств настоящего паразита. Жорже не жил соком и тенью одного дерева, он прыгал с одного на другое, и, таким образом, путешествовал на большие расстояния. Это было великолепно рассчитано, и давало ему возможность вести разнообразный и веселый образ жизни, одновременно делая его общество менее докучливым и утомительным для его многочисленных друзей. Он водил знакомство и поддерживал приятельские отношения со всеми плантаторами по берегам Параибы от Сан Жоан да Барра до Сан Фиделис. Если верить его словам, он всегда имел множество хлопот и устраивал тысячи важных дел, но в любую минуту был готов оставить их ради приглашения кого-нибудь из своих друзей пожить недельку-другую за чужой счет.

После разрыва Леонсио с Малвиной Жорже поселился на фазенде у него и служил ему прекрасным утешением в одиночестве. Он составлял ему компанию не только за столом, в игре и на охоте, но и развлекал его, рассказывая забавные и скандальные анекдоты, одобрял его безумства и сумасбродные выходки, льстил его извращенным пристрастиям, тогда как Леонсио, считавший его своим искренним другом, сделал гостя поверенным своих тайн и сообщал ему самые затаенные мысли, коварные планы и самые деликатные семейные тайны.

Чтобы проникнуть в тайные и гнусные планы и сатанинские происки Леонсио, послушаем, о чем говорят эти достойные друг друга сеньоры.

— Наконец-то, Жорже, я нашел удобный и надежный способ устранить все трудности. Думаю, что таким образом все прекрасно уладится.

— Конечно. Я заранее поздравляю тебя и рукоплещу остроумному осуществлению твоих планов.

— Но послушай еще, чтобы все понять. Этой свадьбой я удовлетворю желание моей жены и в то же время не дам Изауре окончательно ускользнуть от меня. Во-первых, ее отец полностью зависит от меня, во-вторых, я сумею удержать у себя этого глупого садовника, за которого выдаю ее, а потом... Тебе хорошо известно, что время и настойчивость укрощают самых диких и пугливых хищников. А главное, дерзкая рабыня будет наказана за свою беспримерную строптивость. Я был вынужден сделать этот шаг, так как моя жена упорно отказывалась помириться со мной, пока я удерживаю Изауру в неволе. Женский каприз, на который я не обратил бы внимания, если бы... Это между нами, мой друг. Я полагаюсь на твою порядочность.

— Можешь говорить смело. Твои тайны уйдут со мной на тот свет.

— Хорошо, так вот, я говорил, что не обращал бы внимания на размолвку и капризы моей жены, если бы не полное расстройство моих финансовых дел. В результате прискорбных стечений обстоятельств, которые сейчас бесполезно объяснять тебе, мое состояние оказалось под угрозой ужасного удара, от которого не знаю, смогу ли оправиться без по-

— Сеньор Алваро,— ответил Леонсио,— кажется, так? Имею честь принимать вас в моем доме.

— Да, сеньор. К вашим услугам.

— Ах! Очень рад... Не ждал вас... Извольте присесть. Так вы решили прогуляться по нашим южным широтам?

Эти ничего не значащие слова говорил Леонсио, пытаясь оправиться от потрясения, вызванного внезапным и ненужным появлением Алваро в этот решающий момент.

В то же самое время через внутреннюю дверь в гостиную входили Малвина, Изаура, Мигел и Белшиор. Они уже были в нарядах, соответствующих свадебной церемонии.

— Бог мой!.. Что я вижу? — прошептала Изаура, сильно дернув за руку Мигела.— Неужели я ошибаюсь? Нет, это он.

— Он самый... Боже! Возможно ли это?

— Ох! — воскликнула Изаура, и этот простой возглас, вырвавшийся у нее как вздох, передал облегчение безмерной печали, лежавшей у нее на сердце. Внимательный наблюдатель, посмотрев на нее вблизи, заметил бы легкий румянец, проступивший на этом лице, болью и страданием обреченном на вечную мраморную бледность. То был луч надежды, который заиграл на щеках той, что в этот момент была обречена похоронить свою жизнь во мраке скорбной ночи.

— Не думал, что буду иметь честь принимать вас сегодня в моем доме,— продолжал Леонсио, постепенно приходя в себя и обретя свое хладнокровие и надменный вид.— Однако позвольте мне поздравить себя и вас с таким своевременным визитом. Сегодняшний ваш приезд, сеньор, в этот дом окажется весьма уместным и естественным.

— В самом деле? Очень рад этому... Но, может, вы будете столь любезны и объясните, почему?

— С большим удовольствием. Знайте, что ваша протеже, рабыня, из-за которой вы совершили столько безумств в Пернамбуко, сегодня же будет освобождена и выйдет замуж за хорошего человека. Вы, любезный сеньор, прибыли как раз вовремя, чтобы убедиться своими собственными глазами в осуществлении ваших филантропических желаний в отношении этой рабыни, и я, в свою очередь, буду очень рад, если вы, сеньор, согласитесь присутствовать при этой церемонии. Ваше присутствие сделает ее еще более торжественной.

— И кто же освободит? — спросил Алваро, усмехнувшись.

— Кто же, кроме меня, ее законного господина? — ответил Леонсио с высокомерным вызовом.

— Так вот, сеньор, вы не можете этого сделать,— твердо произнес Алваро.— Эта рабыня больше не принадлежит вам.

— Не принадлежит мне! — взвился Леонсио, вскочив как ужаленный.— Вы бредите или издеваетесь надо мной!?

— Ни то, ни другое,— ответил Алваро совершенно спокойно,— повторяю, эта рабыня вам больше не принадлежит.

— А кто осмелится оспорить мои права на нее?

— Ваши кредиторы, сеньор,— ответил Алваро с убийственным хладнокровием.— Это поместье со всеми рабами, этот дом с его богатой обстановкой и столовым серебром — все это больше не является вашей собственностью. Посмотрите,— продолжал он, показывая пачку бумаг,— в моих руках все ваше состояние. Ваш заем намного превышает стоимость всего вашего имущества — полное разорение. И сейчас вам будет предъявлен документ о наложении ареста на все ваше имущество.

своих филантропических намерений. Но все напрасно. Прошел месяц в безуспешной борьбе с самим собой, с благими порывами своего сердца. Алваро почувствовал себя обессиленным и понял, что эта попытка преодолеть чувства была бессмысленна. Напрасно искал он утешения в серьезных занятиях и в легкомысленных развлечениях света, чтобы изгнать из своей памяти образ милой невольницы. Она постоянно присутствовала во всех его мыслях, то сверкающая красотой и изяществом, величественная и обольстительная, как в тот вечер на балу, то бледная и униженная, подавленная тяжестью испытаний, закованная в кандалы, обратившая к нему молящий взор, как бы говоря:

— Приди, не оставляй меня. Только ты можешь разбить мои оковы.

В конце концов Алваро убедился в мысли, что могущественное провидение, сведя его с этой очаровательной и несчастной рабыней, избрало его своим оружием благородной и всемогущей миссии, цель которой вырвать ее из рабства и дать соответствующее ее красоте, добродетели и талантам место в обществе.

Поэтому с неукротимостью фанатика, а может руководимый высшими соображениями, он решил не оставлять своего благородного замысла, каковы бы ни были результаты его усилий.

Алваро отправился в Рио-де-Жанейро. Он ехал наудачу, не имея определенного плана действий, не зная, что следовало предпринять для достижения своей цели, но у него было смутное предчувствие, что небо поможет успешно довести до конца это предприятие. Прежде всего он хотел обосноваться поблизости от Леонсио для того, чтобы собрать сведения и обдумать способы достижения своей цели — свободы для Изауры.

Он сошел на берег в столице, намереваясь вскоре уехать в Кампус. Однако до того, как отправиться туда, он навел справки о финансовых делах Леонсио у коммерсантов.

— О! Мне хорошо известен этот сеньор,— сразу же сказал первый коммерсант, к которому обратился Алваро.— Этот кавалер банкрот, он совершенно разорен. Если вы его кредитор, держите ушки на макушке. Он завяз в долгах. Фактически в его руках остается только фазенда, продажа которой с трудом даст на круг погашения пятидесяти процентов каждому кредитору.

Для Алваро это известие было путеводной звездой, озарившей заблудившемуся в ненастной ночи путнику близкое и гостеприимное пристанище.

— А вы, сеньор, значит, тоже кредитор этого плантатора? — спросил Алваро.

— К несчастью, и один из основных...

— А как велико состояние этого Леонсио?

— В настоящее время ничтожно, так как я вам уже говорил, что его долги более чем вдвое превышают все его имущество.

— А его долги оцениваются в какую сумму?

— Приблизительно в четыреста или пятьсот тысяч, а его поместье в Кампусе, с рабами и имуществом стоит не более двухсот тысяч. Мы исчерпали всю возможную обходительность, предоставив ему опять отсрочки, уже в нарушение закона, но все бесполезно. Теперь мы собираемся прижать его, наложив арест на все его имущество.

— А кто же его другие кредиторы? Вы, сеньор, можете назвать мне их имена?

— Пожалуйста,— ответил торговец и начал перечислять Алваро имена и адреса остальных кредиторов.

— О! Проклятье! — воскликнул Леонсио, в отчаянии вцепившись в волосы.

Услышав из уст Алваро этот уничтожающий его вердикт, оглушенный и почти обезумевший от удара, он хотел бежать из гостиной куда глаза глядят.

— Подождите, сеньор,— сказал Алваро, удерживая его за руку.— Теперь, что касается рабыни, о которой только что шла речь. Как вы собираетесь поступить с ней?

— Освободить ее, я уже сказал вам,— грубо ответил Леонсио.

— И что-то еще. Кажется, вы сказали мне, что собирались выдать ее замуж. Простите мое любопытство, она была согласна на предложенный вами брак?

— О! Нет! Нет! Меня заставили, сеньор! — решительно воскликнула Изаура.

— Это правда, сеньор Алваро,— вмешался Мигел,— она выходит замуж, так сказать, по принуждению. Пообещав ей свободу, сеньор Леонсио вынуждает ее выйти замуж за этого бедного человека, которого вы, сеньор, видите здесь.

— За этого человека?! — воскликнул Алваро, полный изумления и негодования, взглянув на указанного Мигелом урода.

— Да, сеньор,— продолжал Мигел.— И если бы она не согласилась на это замужество, ей пришлось бы провести остаток дней своих в заточении, закованной в тяжелые цепи, как она жила все время со дня возвращения из Ресифе по сей день...

— Палач! — вскричал Алваро, не в состоянии более сдерживать свое негодование.— Наконец-то меч правосудия обрушился и на тебя, чтобы наказать за чудовищную жестокость!

— О, какой стыд! Какой позор, боже мой! — стонала Малвина, склонившись к столу и закрыв лицо руками.

— Моя бедная Изаура! — взволнованно произнес Алваро, протягивая пленнице руки.— Приди ко мне... В душе я торжественно поклялся моей честью спасти тебя от тяжелого и унизительного ярма, убивающего тебя, так как видел в тебе чистоту ангела и благородное и гордое смирение мученицы. Я уверен, что это было святое предназначение, данное мне свыше. И вот мои усилия увенчались счастливым исходом! В конце концов, моими руками всевышний отомстил за измывательства над невинностью и добродетелью, палач раздавлен.

— Бросьте бахвалиться, сеньор! — закричал Леонсио, волнуясь и яростно жестикулируя.— Это просто подлость, предательство и грабеж!..

— Изаура! — продолжал Алваро тем же твердым и значительным тоном,— если еще недавно этот палач держал в своих руках твою свободу и жизнь и давал их тебе лишь при условии, что ты вступишь в брак с уродливым и жалким существом, теперь ты стала хозяйкой его жизни. Все, чем я владею, принадлежит тебе, Изаура. Сегодня ты госпожа, а он раб. И если он не хочет жить милостыней, он должен молить нас о прощении.

— Сеньор! — воскликнула Изаура, бросаясь к ногам Алваро.— О! Как вы добры и великодушны к несчастной рабыне! Но, во имя того же великодушия, на коленях умоляю вас простить их...

— Поднимись, великодушная и прекрасная женщина! — сказал Алваро, протягивая руки, чтобы поднять ее.— Встань, Изаура. Не у моих ног,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бернардо Гимараэш.
Г 48 Рабыня Изаура.— К.: СП «СТФ-ЮС», 1991.— 99 с.
ISBN 5-7935-0017-0

Снятый по мотивам настоящего романа телесериал дважды был показан по советскому телевидению, и, как и у себя на родине, в Бразилии, да и во всем мире, он пользовался огромной популярностью. Бернардо Гимараэш смог тронуть наши сердца историей любви и страданий юной красавицы Изауры, верностью и благородством Алваро. Гнев и возмущение вызывает хозяин Изауры — Леонсио, способный на любую подлость и низость, лишь бы добиться своего. Роман поможет многим хоть на время отвлечься от повседневных забот, погрузиться в историю прекрасной любви со счастливым концом, когда зло побеждено, а добро восторжествовало.

Г $\frac{4700304010{0}-6}{972(02)-91}$ (без объявления) **ББК 84.70**

Хилари Во. **Счастливая выдумка.**

Дочь миллионера Пат нанимает частного детектива Фила, чтобы он избавил ее от преследователей. Девушка попросту придумала предлог, стремясь встретиться с человеком, который ей понравился. Вскоре, однако, ее похитили. Отец не обратился в полицию, он был готов удовлетворить все требования гангстеров. Фил с этим не согласился: он начал идти по следу бандитов сам. Случай помог ему установить личность похитителя, найти его любовницу, сообщников, совершающих одно убийство за другим. Но и противники героя принимают свои контрмеры. Фил попадает к ним в плен вместе со своей клиенткой, которую полюбил. Финал этой захватывающей, построенной на острых, волнующих моментах истории, неожидан.

Уильям Айриш. **Свидания во тьме.**

Наши читатели хорошо знают роман У. Айриша «Окно во двор», положенный в основу одноименного голливудского фильма. Книга «Свидания во тьме» скорее триллер, чем детектив. Писатель блестяще воссоздает атмосферу страха, ожидание опасности, которое охватило группу людей, гибнущих один за одним при самых невероятных и загадочных обстоятельствах. Кто повинен в этом? Полиция далеко не сразу связывает все эти смерти с трагическим происшествием, случившимся у одного из маленьких американских кинотеатров. Жертвами становятся все те, кто несколько лет тому назад, путешествуя на самолете, бездумно швырнул вниз пустую бутылку от пива, ставшую причиной гибели человека. Начинается охота за тем, кто мстит за свою любимую, охота жестокая, безжалостная, порождающая ужас.

